

Н.Б. ПАХОЛЕНКО

**ГОСУДАРСТВЕННО-
ПРАВОВЫЕ
ВЗГЛЯДЫ
Г. В. ПЛЕХАНОВА**

КНИГА
ОХВАТЫВАЕТ
ПЕРИОД
ЕГО
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО-
МАРКСИСТСКОЙ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт государства и права

Н. Б. ПАХОЛЕНКО

**ГОСУДАРСТВЕННО-
ПРАВОВЫЕ
ВЗГЛЯДЫ
Г. В. ПЛЕХАНОВА
(1883–1903 гг.)**

Ответственный редактор
доктор юридических наук, профессор
Е. А. СКРИПИЛЕВ

МОСКВА
«НАУКА»

1987

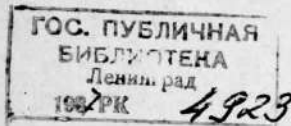
Фон Плеханова

№ 3479

В монографии исследуются вопросы теоретического наследия Г. В. Плеханова: анализ происхождения и классовой обусловленности права, определение понятия права и конституции и др. Отмечается также, что объективная оценка идейного наследия Г. В. Плеханова возможна только в рассмотрении его взглядов в развитии и сопоставлении их с историей и логикой классовой борьбы, с практикой революционного движения. Книга охватывает период его последовательно-марксистской теоретической деятельности.

Рецензенты:

В. Д. ЗОРЬКИН, В. Н. СТРУННИКОВ

П 1203100000-105 107-87-III
042(02)-87

© Издательство «Наука», 1987 г.

ВВЕДЕНИЕ

В Программе Коммунистической партии Советского Союза (новая редакция), принятой на XXVII съезде КПСС, говорится: «Социализм обеспечил господство в духовной жизни советского общества научного мировоззрения, основу которого составляет марксизм-ленинизм как цельная и стройная система философских, экономических и социально-политических взглядов»¹.

На XXVII съезде КПСС перед советскими учеными-обществоведами была поставлена задача дальнейшего творческого развития марксизма-ленинизма, философского осмысления актуальных проблем современности, дальнейшего изучения и раскрытия исторического значения революционно-преобразующей деятельности партии по строительству социалистического общества, критики антимарксистских и ревизионистских концепций и взглядов.

Важное место в решении этих проблем принадлежит исследованию истории марксизма. Г. В. Плеханов одним из первых последователей Маркса и Энгельса приступил к конкретизации и систематизации их идейно-теоретического наследия, раскрытию исторической сущности формирования марксизма. Работы Плеханова оказали существенное влияние на формирование мировоззрения международной и российской социал-демократии. Значительных результатов творческая деятельность Г. В. Плеханова достигла в области общесоциологической теории марксизма. Это относится не только к анализу проблемы способа производства и его действия в обществе, но особенно к рассмотрению форм общественного сознания, политики, морали, науки, религии, искусства, механизма их связи с экономическим базисом, закономерностей обратного влияния надстроительных явлений на базис.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. С. 163.

В работах Плеханова 1883—1903 гг. вопросы политической системы общества проанализированы как в историческом, так и в теоретическом плане основательно и глубоко. Хотя в некоторых его произведениях имеют место абстрактная постановка вопроса, связанного с анализом государства, теоретические ошибки (особенно в период после 1903 г.), тем не менее рассмотрение его взглядов на государство и право является необходимым звеном для полного и всестороннего осмысления теоретического наследия Плеханова. Его государственно-правовые воззрения являются составной частью в общем генезисе русской передовой политико-правовой мысли конца XIX — начала XX в.

Велика роль Плеханова и в борьбе с ревизионизмом. Он был одним из первых и, по существу, единственным, кто с самого начала появления ревизионизма Э. Бернштейна вступил в борьбу с этим течением. Многие видные деятели международного рабочего движения того времени не только не поняли опасности бернштейнианства, но даже, наоборот, становились сторонниками этого «творческого развития» марксизма. Ревизия в теории приводила многих деятелей II Интернационала к оппортунизму на практике, к отказу от диктатуры пролетариата, к сползанию на позиции социал-реформизма. Борьба Плеханова против ревизионизма и реформизма получила высокую оценку и поддержку со стороны В. И. Ленина.

Современные наши идейные противники, также выступающие от имени «истинного», «творческого», «западного» и т. п. марксизма и пытающиеся «очистить» марксизм от его «поздних наслоений», под которыми подразумевают теоретическую деятельность Энгельса (в конце его жизни), Плеханова, Ленина в своей сущности являются лишь модернизированными последователями буржуазных идеологов и ревизионистов конца XIX — начала XX в.

Поэтому критика Плехановым ревизионизма различного толка не потеряла остроты и значимости и сегодня. Например, бернштейнианские идеи отказа от диктатуры пролетариата, разложения рабочего движения взяли в свой арсенал современные социал-реформисты и ревизионисты типа Р. Гароди и Э. Фишера.

Исследования и оценки идейно-теоретической деятельности Г. В. Плеханова имеют свою довольно богатую историю, в которой можно выделить три основных

этапа: первый — до начала 30-х годов XX в.; второй — от начала 30-х до середины 50-х годов и третий — с середины 50-х до настоящего времени. Определенные исследования и оценки начались еще при жизни Плеханова, таковы, например, работы М. Антонова, В. Бурава, Г. Сандомирского, Иванова-Разумника и др.

Научную основу оценки философско-теоретической и политической деятельности Г. В. Плеханова составили работы В. И. Ленина. В концентрированном виде ряд принципиальных оценок был сформулирован им в работах «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (1920), «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина» (1921) и др. В. И. Ленин указал на необходимость издания трудов Плеханова по философии с необходимыми комментариями и настаивал на включении работ Плеханова в серию обязательных учебников коммунизма. Приблизительно в 20 работах (в том числе письмах) В. И. Ленин рассматривает его исторические, философские и государственно-правовые идеи в связи с историей и логикой развития классовой борьбы, с практикой революционного движения, принимая во внимание личные, человеческие качества ученого. В. И. Ленин подчеркивал, что «недопустимо смешивать Плеханова — автора „Очерков по истории материализма“, „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“ с Плехановым — меньшевиком, с Плехановым — оборонцем, с Плехановым, превращавшим диалектику в софистику»².

Подвергая принципиальной критике меньшевистские позиции Г. В. Плеханова в политической борьбе, В. И. Ленин не переставал высоко оценивать его заслуги в развитии теории марксизма. Так, в 1914 г. он писал о Г. В. Плеханове: «Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников»³.

«...Уместным мне кажется заметить для молодых членов партии, — писал В. И. Ленин в 1921 г., — что нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 375.

³ Там же. Т. 25. С. 222—223.

всей международной литературе марксизма». И далее: «Кстати, нельзя не пожелать: во-первых, чтобы выходящее теперь в свет издание сочинений Плеханова выделило все статьи по философии в особый том или особое тома с подробнейшим указателем и проч. И это должно войти в серию обязательных учебников коммунизма; во-вторых, рабочему государству, по-моему, следует требовать от профессоров философии, чтобы они знали изложение марксистской философии Плехановым и умели передать учащимся это знание»⁴.

Интерес к идейно-философскому наследию Плеханова еще больше возрос в 20-х годах XX в. В этот период в идейной борьбе с представителями меньшевизма, троцкизма и других антиленинских группировок происходило становление марксистско-ленинской историко-философской науки. Идейное наследие Плеханова было одним из предметов острейших дискуссий между различными политическими группировками не только в СССР, но и за рубежом. В работах советских ученых 20-х, начала 30-х годов XX в., с одной стороны, канонизировались отдельные философские работы Плеханова, переоценивалась его положительная роль в истории марксизма, противопоставлялись «Плеханов-теоретик» и «Ленин-практик», а с другой стороны, «вопреки ленинским оценкам марксистских трудов Плеханова, особенно философских, некоторые авторы «отыскивали» в этих трудах ревизионизм, метафизику, неисторически подходили к Плеханову и недооценивали его трудов в истории воинствующего материализма»⁵.

В 20-х годах начинается публикация литературного наследия Плеханова. В 1925 г. выходит в свет переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода в двух томах, в 1926 — издаются материалы группы «Освобождение труда» в шести сборниках.

В этот же период выходят отдельными изданиями сборники статей и лучшие произведения Плеханова по философии марксизма.

Характеристику книг и статей о Плеханове советского периода следует начать с работ О. В. Аптекмана, С. Вольфсона, Б. И. Горева, К. А. Пажитнова, Л. И. Аксельрод и др., написанных в 20-х годах⁶.

⁴ Там же. Т. 42. С. 290.

⁵ *Иовчук М., Курбатова И.* Плеханов. М.: Мол. гвардия, 1977. С. 342.

⁶ См.: *Вольфсон С.* Диалектический материализм в творчестве

Хотя эти работы и не были безошибочными в идейно-политическом отношении, но тем не менее они были полезны тем, что содержали немало новых исторических фактов.

Существенную роль для развития исследований взглядов и роли Плеханова имеет издание его сочинений в 24 томах, осуществленное в 1923—1927 гг. Но, обладая многими достоинствами источниковедческого характера, это издание не было в полной мере использовано в то время для всестороннего исследования вклада Плеханова в историю марксистского мировоззрения.

Важную оценку роли Г. В. Плеханова в истории марксизма сыграло Постановление ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма», принятое в конце января 1931 г. В нем была дана оценка предшествующему периоду становления философской науки в СССР, намечены основные направления дальнейших исследований.

В этом постановлении ленинизм был определен как новый этап развития марксизма.

В 30—40-е годы вышло лишь незначительное число работ, посвященных разработке творческого наследия Плеханова. Из них можно назвать работу Г. С. Васецкого, М. Т. Иовчука «Очерки по истории материализма в России XVIII—XIX веков» и диссертацию Н. Тимофеева «Г. В. Плеханов как историк русской классической философии XIX века»⁷.

Начиная с середины 50-х годов интерес к творчеству Плеханова значительно возрос. Особенно это заметно после того, как в 1956 г. в партийной печати была подчеркнута необходимость разработки творческого наследия Плеханова в связи с юбилейной датой — 100-летием со дня его рождения. К этой дате было напечатано большое число журнальных статей

Г. В. Плеханова. Минск, 1922; *Пажитнов К. А.* Развитие социалистических идей в России от Пестеля до группы «Освобождение труда». М., 1924; *Аптекман О.* Георгий Валентинович: Из личных воспоминаний. Л., 1924; *Аксельрод Л. И.* Этюды и воспоминания. Л., 1925; *Горев В. И.* Георгий Валентинович Плеханов. М., 1925.

⁷ См.: *Васецкий Г. С., Иовчук М. Т.* Очерки по истории материализма в России XVIII—XIX веков. М., 1943; *Тимофеев Н. Г.* В. Плеханов как историк русской классической философии XIX века: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1948.

(в том числе и в союзных республиках), посвященных Плеханову, как выдающемуся пропагандисту марксистской теории. Большинство этих статей было написано историками, философами, экономистами. Исключение составила статья Е. А. Скрипилева, посвященная разработке Плехановым вопросов права⁸.

В этот же период был опубликован ряд монографических исследований, среди которых наибольший интерес для исследуемой темы представляют работы В. Фоминой, И. Б. Миндлина, М. Б. Митина, М. И. Сидорова, Б. А. Чагина и др.⁹

Характеризуя научные работы до середины 50-х годов, можно отметить, что в большинстве из них заслуги Г. В. Плеханова либо недостаточно подчеркивались, либо вовсе отрицались только потому, что в последний период своей деятельности (1903—1918 гг.) Плеханов перешел в лагерь меньшевиков. Вместо того, чтобы показать то положительное, что содержалось в трудах Плеханова, внимание акцентировалось на его ошибках.

В конце 50-х годов и особенно в 60-е годы начинает постепенно восстанавливаться ленинский подход к оценке идейного наследия Плеханова, его роли в развитии марксистской мысли, в революционном движении. Среди научной литературы этого периода можно выделить работы М. Т. Иовчука, Н. Каменнова, В. А. Малинина и М. И. Сидорова, Б. А. Чагина, В. Е. Козака, М. И. Вошиковой, А. Ф. Костина, Г. Г. Водолазова¹⁰. К сожалению, государственно-пра-

вовые воззрения Плеханова оказались вне области исследования, в том числе учеными-юристами.

В последующий период, начиная с 70-х годов, общая направленность работ, посвященных разработке идейно-теоретического наследия Г. В. Плеханова, изменилась. Отмечая теоретические ошибки Плеханова (связанные с переходом его на позиции меньшевизма) и объясняя их, исследователи вместе с тем уделяют должное внимание также и положительным сторонам и достоинствам его работ. Исследователи плехановского наследия, руководствуясь ленинскими положениями и опираясь на соответствующие партийные документы и решения, объективно показывают место и роль Плеханова в истории марксистской мысли и революционно-пролетарского движения.

⁸ См.: *Скрипилев Е. А.* Правовые воззрения Г. В. Плеханова: (К 100-летию со дня рождения) // Сов. государство и право. 1956. № 10.

⁹ См.: *Фомина В.* Философские взгляды Г. В. Плеханова. М.: Госполитиздат, 1955; *Миндлин И. Б.* Переход Г. В. Плеханова от народничества к марксизму // Вопр. истории. 1956. № 12; *Митин М. Б.* Историческая роль Г. В. Плеханова в русском и международном рабочем движении. М.: Госполитиздат, 1957; *Сидоров М. И.* Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1957; *Чагин Б. А.* Защита, обоснование и развитие Г. В. Плехановым марксистской философии. Л., 1957.

¹⁰ См.: *Иовчук М. Т.* Г. В. Плеханов и его труды по истории философии. М.: Соцэкгиз, 1960; *Каменнов Н.* Политические и философские взгляды Г. В. Плеханова (1883—1903 гг.) // Учен. зап. Кюломен. пед. ин-та. Коломна, 1961. Т. 6; *Малинин В. А., Сидоров М. И.* Предшественники научного социализма в России. М.: Наука, 1963. *Чагин Б. А.* Г. В. Пле-

ханов и его роль в развитии марксистской философии. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1963; *Козак В. Е.* Г. В. Плеханов о развитии промышленного капитализма и положении пролетариата в России. Киев: Изд-во АН УССР, 1964; *Вошикова М. И.* В. И. Ленин и Г. В. Плеханов о роли личности в истории // Вопросы теоретического наследия В. И. Ленина. Красноярск, 1966; *Костин А. Ф.* От народничества к марксизму. М.: Выпш. шк., 1967; *Водолазов Г. Г.* От Чернышевского к Плеханову: (Об особенностях развития социалистической мысли в России). М.: Изд-во МГУ, 1969.

РУССКАЯ ПРОГРЕССИВНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И СТАНОВЛЕНИЕ МАРКСИСТСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА

С именем Г. В. Плеханова связано появление первой российской марксистской организации — группы «Освобождение труда», разработка важнейших проблем теории и практики марксизма. В работах, созданных с 1883 по 1903 г., он с последовательно марксистских позиций показал неизбежность для России капиталистического пути развития, нарастания буржуазно-демократической, а затем и пролетарской революции. В своем идейном развитии Г. В. Плеханов преодолел утопические позиции народничества и встал на путь диалектико-материалистического понимания истории, которое позволило ему вести борьбу против «легального марксизма» Струве и др., ревизионизма Бернштейна и иных буржуазных идеологов.

Ученый-энциклопедист, Плеханов в полной мере использовал теорию и методологию марксизма и на этой основе развил революционные традиции передовой русской общественной мысли. Более того, он положил начало развитию теории марксизма в России.

1. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

В середине 70-х годов XIX в., когда началась революционная деятельность Г. В. Плеханова, Россия уже встала на капиталистический путь развития экономики. Глубокий анализ нового способа производства дал В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России». В то время это было исторически прогрессивное явление. Росли старые и возникали новые города, строились железные дороги, фабрики, заводы. Возник

новый общественный класс — пролетариат. В. И. Ленин отметил, что капитализм развивался не только в городе, но и в деревне, разлагая крестьянскую общину. Разоренные крестьяне вынуждены были идти на фабрики и заводы, пополняя армию пролетариата, «особый класс людей, не имеющих никакой собственности, класс наемных рабочих — пролетариев, живущих только продажей своей рабочей силы»¹. Увеличение численности пролетариата, высокая концентрация помогли росту его сплоченности и организованности. Пролетариат стал выступать как главная движущая сила революционного преобразования общества. Организованные выступления пролетариата усиливались крайне тяжелым его социальным и экономическим положением.

Обострение социально-экономических противоречий привело к возникновению революционной ситуации 1879—1881 гг. Во главе социальной борьбы этого периода стояли революционеры-демократы. В. И. Ленин показал, что после падения крепостного права, смерти Добролюбова и ареста Чернышевского «господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество»². Своей социальной базой и опорой в борьбе за свержение царя и помещиков народники считали в основном крестьянство.

После реформы 1861 г. капиталистическое развитие России прочно определилось в экономике страны. Народники же в этой реформе ошибочно усматривали начало некапиталистической эволюции России и превращения ее в страну мелкобуржуазного «социализма».

Образование в 70-х годах первых рабочих союзов — «Южнороссийского союза рабочих» и «Северного союза русских рабочих» — стояло в стороне от народнических направлений. Значение деятельности первых объединений пролетариата огромно. Они придавали организованность борьбе рабочих против капиталистов, впервые в России выдвинули требование политических прав для трудящихся, требование политической свободы.

Имея в виду народников, В. И. Ленин писал: «Когда в 1875 г. образовался „Южно-русский рабочий союз“ и в 1878 г. „Северно-русский рабочий союз“, то эти ра-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 88—89.

² Там же. Т. 25. С. 94.

бочие организации стояли в стороне от направления русских социалистов; эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма³.

Характеризуя общественно-политическое движение в России этого периода, можно сказать о существовании двух независимых друг от друга революционных течений — социалистов и рабочих. Социалисты не имели опоры среди трудящихся. Рабочие же не имели руководителей, поэтому их движение выливалось в стихийные бунты.

В 1876 г. Плеханов примкнул к одному из революционных народнических кружков, вошедших позднее в организацию «Земля и воля», затем стал одним из самых видных деятелей народничества. По его инициативе и при непосредственном участии впервые в 1878 г. была сформулирована программа «Земли и воли». По своим воззрениям в этот период Г. В. Плеханов был типичным народником, разделял философские взгляды Бакунина.

О марксистской теории Плеханов впервые узнал в конце 70-х годов XIX в. в кружке народников А. Д. Оболенева и М. А. Натансона. Он начинает знакомиться с экономическим учением Маркса, читает «Капитал». И в первой своей крупной работе «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» (1879) Плеханов неоднократно ссылается на Маркса и даже пытается связать отдельные свои положения с марксизмом, хотя и использует высказывания Маркса для доказательства наличия особого пути развития России. Говоря о необходимости вести пропаганду среди рабочих, Плеханов рассматривал пролетариат как «часть того же самого крестьянства», а революционные выступления в городах считал средством «отвлечь силы правительства и дать крестьянскому восстанию время окрепнуть и развиться до степени непобедимости»⁴.

В этой работе имелись также элементы материализма, воспринятые им от Чернышевского. Но в целом Плеханов еще не стоял на позиции марксистского по-

нимания истории и считал движущей силой общественного развития «общественные привычки», «социальные чувства».

Огромное влияние на Плеханова имела книга М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», поколебавшая его народнические воззрения. В ней был показан процесс разложения общинного землевладения. Г. В. Плеханов, говоря об особых условиях существования общины в России, пытался опровергнуть эту работу в статье «Поземельная община и ее вероятное будущее». Он считает позицию Маркса о прогрессивности капитализма по сравнению с феодализмом применимой лишь для Западной Европы, где община давно исчезла, но не для России. В этой работе Плехановым также признается факт разложения общины в России, что явилось его первым шагом к отступлению от народничества.

Деятельность Плеханова в рабочей среде оказала на него положительное воздействие и явилась главным фактором перехода к марксизму, хотя в этот период он выступал среди рабочих как народник-бунтарь и отношение к ним, по его же словам, было непоследовательным, двойственным⁵. Позже, став марксистом, Плеханов так оценивал деятельность народников среди рабочих: «... действовать в среде пролетариата, не отводя ему никакой самостоятельной роли в общественном развитии, значит не развивать, а запутывать его классовое самосознание»⁶.

Отрицательное отношение народников к пролетариату вызвало у Плеханова первые сомнения в правильности их теории и тактики.

К пересмотру народнической идеологии подготовил Плеханова и наметившийся к этому времени кризис народничества, ставший отражением глубоких изменений в социально-экономическом строе России. Пропаганда крестьянских бунтов и народнического «социализма» не имела успеха среди крестьян. А отсюда, по словам В. И. Ленина, «бессилие движения, несмотря на героизм одиночек»⁷. Тогда народники изменили тактику и сделали ставку на индивидуальный террор, но и этим не достигли своей непосредственной цели — народной революции.

³ См.: Там же. Т. 4. С. 245.

⁴ Там же. С. 141.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 399.

⁶ Там же. Т. 4. С. 245.

⁷ Плеханов Г. В. Соч. М., 1922. Т. 1. С. 70.

С 80-х годов XIX в. в народничестве взяло верх либеральное направление, тенденция примирения с царским правительством и отказа от революционной борьбы. Перерождение революционного народничества в либеральное было не случайным, а неизбежным. Рост капиталистических отношений, развитие классовой борьбы, появление пролетариата, расхождение крестьянства в деревне — все это лишило народничество социальной остроты и послужило причиной вырождения в секту, защищавшую интересы кулачества.

После распада партии «Земля и воля» Плеханов возглавил группу «Черный передел», выступив против террористической тактики народолюбцев, боролся с их крайне узким пониманием революционных задач. Но эта группа просуществовала недолго. Преследуемый за революционную деятельность, Плеханов с членами «Черного передела» В. Засулич, П. Дейчем и др. вынужден был в 1880 г. эмигрировать за границу и прожил там 37 лет.

В эмиграции он много и плодотворно работал, изучал труды Маркса и Энгельса, познакомился с рабочим движением и деятельностью социалистических партий западноевропейских стран. В 1880—1881 гг. Плеханов написал статьи для газеты «Черный передел». В них Плеханов все еще продолжал считать, что общинное землевладение составляет единственно практически осуществимую в России часть социалистической программы. Придерживаясь бакунинских идей, он выступал за принцип федерализма в политической организации народа, требовал полного устранения «принудительного начала, на котором основаны современные государства». В том же духе Плеханов толковал вопрос о государстве и его противоположности общине, усматривая в государстве причину «крепостнической и капиталистической эксплуатации».

В этих статьях впервые была высказана мысль о государстве как причине закрепощения сословий в России, положившая начало его ошибочной оценке Российского государства. Эта мысль позднее переросла в теорию надклассовости Российского государства.

Знакомясь с марксистской теорией, Плеханов начинает все яснее сознавать, что народничество изжило себя и оказалось несостоятельным при проверке практикой борьбы пролетариата. Кроме того, его разрыв с народничеством был подготовлен основательным знани-

ем философской и социалистической мысли передовых деятелей России.

Изучение произведений Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова способствовало усвоению Плехановым материалистических идей, облегчило его переход к марксизму, помогло осмыслить накопленный революционный опыт и решительно порвать с народничеством.

«Теория Маркса, подобно ариадниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль...» — писал он⁸.

Характерным для перехода Плеханова к марксизму являются его работы: «Новое направление в области политической экономии» (1881), «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцеова» (1882—1883), «А. П. Шапов» (1883).

В 1882 г. Плеханов перевел на русский язык «Манифест Коммунистической партии» и написал к нему предисловие. Это предисловие показывает, что Плеханов основательно изучил теорию научного социализма Маркса. От прежнего отрицания политической борьбы Плеханов пришел к признанию первостепенного значения политической борьбы для русского революционного движения⁹.

В статье «А. П. Шапов» (1883) Плеханов говорит о необходимости всесторонней критики народнической доктрины, отрицательно высказывается об общине, показывает узость общинных рамок. Однако и в этой статье еще остались некоторые народнические идеи, например о постепенном переходе самодержавного государства в «народное государство».

Распад народничества и раздвигающееся рабочее движение побудили Плеханова к созданию самостоятельной марксистской группы «Освобождение труда». Эта группа, объединившая первых представителей марксизма в России, заложила в 80-х годах XIX в. теоретические основы революционного рабочего движения в России. В первом выпуске «Библиотеки современного социализма» была опубликована работа Плеханова «Социализм и политическая борьба», в которой создатель группы «Освобождение труда» выступил как марксист. Таким образом, Плеханов первым из русских

⁸ Плеханов Г. В. Соч. М., 1927. Т. 24. С. 179.

⁹ Там же. Т. 1. С. 150—151.

революционеров принял марксизм как цельное мировоззрение и стал его пропагандистом и защитником. «Задачей всей моей жизни,— писал он Энгельсу в 1894 г.,— я считаю пропаганду ваших и Маркса идей»¹⁰.

Группа «Освобождение труда» сыграла значительную роль в распространении марксизма в России и идейной подготовке социал-демократического движения. Ленин высоко ценил ее деятельность.

«Русский марксизм,— писал он,— родился в начале 80-х годов прошлого века в трудах группы эмигрантов (группа „Освобождение Труда“)»¹¹. Но группа «Освобождение труда» лишь теоретически основала социал-демократию.

Сплочение пролетариата и организация его авангарда в партию стало возможным лишь в середине 90-х годов, так как только тогда социалисты сблизилась с рабочим классом. Наступил новый период в истории русского марксизма, связанный с именем В. И. Ленина.

Борьба с народничеством явилась расцветом революционной деятельности Плеханова как марксиста. Он дал с марксистских позиций основательную критику реакционной народнической теории, разоблачил, как ненаучные, взгляды идеологов народничества Лаврова, Ткачева, Михайловского и идеолога анархизма Бакунина и показал вред, наносимый рабочему движению народническими утопиями.

Борясь против народников, Плеханов написал ряд работ, на которых учились и воспитывались марксисты в России: «Социализм и политическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1885), «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895).

Итак, деятельность Плеханова 80-х годов дает основание считать, что к 1883 г. закончился его переход от народничества к марксизму, главными факторами которого были его революционная деятельность в рабочей среде, изучение трудов К. Маркса и Ф. Энгельса.

2. ИДЕЙНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВЗГЛЯДОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Философские и государственно-правовые взгляды Плеханова развивались на основе передовой русской общественной мысли, прежде всего революционно-демократических идей Радищева и декабристов, Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова. Знакомство с их произведениями положило начало серьезному самостоятельному изучению истории передовой общественной мысли как в России, так и на Западе. Им были опубликованы работы, посвященные философскому наследию Белинского и Чернышевского, задуманы историко-философские работы по истории западноевропейской и русской общественной мысли.

Особое воздействие на формирование взглядов Г. В. Плеханова оказало революционно-демократическое наследие Н. Г. Чернышевского. И это не случайно, так как Чернышевский наиболее полно и последовательно сформулировал политическую программу революционных демократов¹². Чернышевский и Плеханов принадлежат к двум различным историческим эпохам в развитии общественной жизни, освободительного движения в России. Их деятельность — это две разные ступени в истории русской общественной мысли, и поэтому в их идейных и творческих воззрениях имеются как общие черты, так и глубокие принципиальные различия. В. И. Ленин считал выдающейся заслугой Чернышевского и Плеханова утверждение ими «солидной материалистической традиции»¹³ в главном направлении передовой общественной мысли России.

Н. Г. Чернышевский — современник и активный участник революционных событий в России 60-х годов XIX в. «Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, по-видимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и, чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдаш-

¹⁰ Там же. Т. 2. М., 1925. С. 22.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 17, С. 405.

¹² Книга Г. В. Плеханова о Чернышевском получила в свое время большую известность у европейского читателя. По поводу перевода этой работы на немецкий язык имеется обширная переписка Г. Плеханова с К. Каутским. См.: Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова: В 3 т. М.: Наука, 1973. Т. 2. С. 146—149.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 45. С. 24.

них либеральных реформистов»¹⁴. Непримиимый и последовательный противник крепостничества и самодержавия, Чернышевский был в то же время «замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм»¹⁵.

Г. В. Плеханов начинал свою деятельность в среде революционного народничества, одним из главных духовных наставников которого был Чернышевский, на протяжении многих лет изучал творчество Н. Г. Чернышевского, написал о нем больше, нежели о любом другом историческом деятеле и мыслителе. «Мое собственное умственное развитие совершалось под огромнейшим влиянием Чернышевского,— писал Плеханов в 1913 г.,— разбор его взглядов был целым событием в моей литературной жизни, и я не могу оставаться равнодушным к вопросу о том, насколько удался этот разбор»¹⁶.

Плеханов высоко ставил Чернышевского-мыслителя, который в вопросах общественной теории шел по тому пути, по какому развивалась современная ему передовая наука на Западе. «Пытливая мысль Чернышевского направляла свои усилия именно в том направлении, по какому только и могла идти передовая философская мысль XIX в.»¹⁷. В другой работе Плеханов дополняет этот вывод: «Мысль Чернышевского шла по тому же самому пути, который привел западноевропейскую мысль к марксизму, но неблагоприятные условия русской общественной жизни сделали то, что мысль нашего великого писателя не дошла до конца этого пути, остановившись на предпоследнем этапе...»¹⁸.

В первых плехановских работах о Чернышевском ведется острая полемика с народнической доктриной. Плеханов не соглашался с ними, он отмечал близость взглядов Чернышевского к взглядам народников. «...Шаткость и неопределенность политических взглядов любимого учителя русской молодежи,— писал Плеханов,— наверное, внесла свою лепту в последующие программные скитания русских революционеров»¹⁹. Плеханов указывал, что хотя Чернышевский никогда сам не был народником, однако они сильнейшие свои доводы заимствовали из его учения.

¹⁴ Там же. Т. 20. С. 179.

¹⁷ Там же. Т. 5. 1924. С. 131.

¹⁵ Там же. Т. 25. С. 94.

¹⁸ Там же. Т. 6. С. 381.

¹⁶ Плеханов Г. В. Соч. Т. 6. 1925. С. 383.

¹⁹ Там же. Т. 5. С. 63.

Иногда Плеханов намеренно акцентировал преимущества марксистской концепции общественного развития, сравнивая ее со взглядами Чернышевского. Для того времени этот акцент был вполне обоснованным. Объективные причины не позволили Чернышевскому на научной основе вскрыть закономерности общественного развития в России. Плеханов считал, что отсталость общественной жизни, отсутствие в стране пролетариата и низкий уровень классовой борьбы были теми причинами, которые помешали Чернышевскому прочно обосноваться на позициях материалистического понимания истории и научного социализма, хотя именно в этом направлении «шла сначала мысль Белинского, потом Чернышевского и Добролюбова и, наконец, русских марксистов»²⁰.

В «Очерках из политической экономии (по Миллю)» Чернышевский писал: «Интересы ренты противоположны интересам прибыли и рабочей платы вместе. Против сословия, которому выделяется рента, средний класс и простой народ всегда были союзниками... интерес прибыли противоположен интересу рабочей платы. Как только одерживают в своем союзе верх над получающим ренту классом сословие капиталистов и сословие работников, история страны получает главным содержанием борьбу среднего сословия с народом»²¹. Плеханов находил содержащуюся в этих словах догадку гениальной. По его мнению, Чернышевский высказал «чрезвычайно замечательный взгляд на внутренние пружины новейшей истории Европы...», «...под этими строками охотно подписался бы любой из современных материалистов-диалектиков»²². Но Плеханов видел и недостатки в политических воззрениях Чернышевского, считал, что Чернышевский не решил главной проблемы общественной науки — проблемы материалистического понимания истории, а также не понял исторической роли пролетариата.

Тот факт, отмечал Плеханов, что «взгляды Чернышевского на политические задачи западноевропейского пролетариата никогда не отличались большой ясностью, лучше всего показывает... мнение его о значении всеобщего избирательного права»²³. Он подчеркивал, что

²⁰ Там же. Т. 23, 1926. С. 258.

²¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 9. С. 516.

²² Плеханов Г. В. Соч. Т. 5. ²³ Там же. Т. 6. С. 63. С. 42.

Чернышевский недооценивал роль избирательного права и не считал его необходимым орудием пролетариата в борьбе с буржуазией. Для кого неясно значение всеобщего избирательного права в этой борьбе, отмечал Плеханов, для того неясно и вообще все ее политические задачи, не очевидна и необходимость сплочения пролетариата в особую политическую партию с целью завоевания власти в будущем²⁴. Если бы Н. Г. Чернышевский лучше уяснил себе путь, по которому идет Запад к «лучшему порядку экономических отношений», если бы он, кроме того, точнее определил экономические условия этого «лучшего порядка», то он увидел бы, во-первых, что Запад стремится к обращению средств производства в государственную, а не общинную собственность, а, во-вторых, понял бы, что «язва пролетариата» «сама из себя создает свое лекарство»²⁵.

Замечания Плеханова об утопическом характере представлений Чернышевского о перспективе общественного развития вполне совпадают с оценкой В. И. Ленина, который указывал, что «Чернышевский... не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»²⁶. В. И. Ленин писал, что Чернышевский верил в особый уклад, в общинный строй русской жизни, а отсюда была у него и вера в возможность крестьянской социалистической революции²⁷.

По мнению Плеханова, в том обстоятельстве, что Чернышевский недооценивал роль пролетариата как России, так и Запада, кроется одна из причин того, что он ограничил свое исследование об общинном землевладении соображениями, относящимися к области права, распределения продуктов, агрохимии, «но не задался вопросом о политическом влиянии общины на государство и государства на общину»²⁸.

Практические надежды на общину как на готовую форму коммунистического общежития у Чернышевского, по мнению Плеханова, были непродолжительными. Еще в статье «Критика философских предубеждений

²⁴ См.: Там же.

²⁵ Там же. Т. 2. С. 121.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 175.

²⁷ См.: Там же. Т. 1. С. 271.

²⁸ Плеханов Г. В. Соч. Т. 2. С. 127.

против общинного землевладения» (1858) «он уже совершенно махнул рукой на русскую общину»²⁹ и отстаивал не собственно общину, а принцип ассоциации трудящихся.

Следует отметить, что Плеханов, исследуя идейное наследие Чернышевского, несколько принижал революционность политической позиции Чернышевского как идеолога крестьянских масс.

Как уже упоминалось, Плеханов в своих работах, посвященных Чернышевскому, уделяет определенное внимание разбору его правовых воззрений, анализируя их с марксистских позиций. Причины происхождения права Чернышевский видит в несоответствии между материальными потребностями человека и средствами их удовлетворения. Противоположные интересы приводят к необходимости утвердить правила, определяющие отношения между людьми в различных сферах их деятельности. Отсюда появляются законы политические, гражданские, уголовные. Чернышевский объяснял право как историческое и преходящее явление, хотя в теоретическом плане не смог дать научного решения вопроса о происхождении права.

Заслуга же Чернышевского состояла именно в том, что он рассматривал право в тесной связи с экономикой. Он считал, что человек не отвлеченная «юридическая» личность, а живое существо, в жизни которого экономическая сторона играет большую роль, и потому «если должны быть для его счастья обеспечены его юридические права, то не менее нужно обеспечение и материальной стороны его быта. Даже юридические права, на самом деле, обеспечиваются только выполнением этого последнего условия, потому что человек, зависимый в материальных средствах существования, не может быть независимым человеком на деле, хотя по букве закона и провозглашалась его независимость»³⁰.

Правильно отмечая, что главным институтом гражданского права является право собственности, Чернышевский уделял много внимания юридическим формам частной собственности (наследованию, завещанию и т. д.). Плеханов особо подчеркнул мысль Чернышевского о том, что «частная собственность действует как разрушительная революционная сила, обогащающая

²⁹ Там же. Т. 6. С. 34.

³⁰ Цит. по кн.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 6. С. 32.

немногих счастливых»³¹, и ведет к материальному порабощению большинства. Будучи непримиримым противником частной собственности, Чернышевский в то же время возлагал надежды на общину как на панацею от всех зол, порождаемых господством частной собственности.

По-видимому, не только марксистская точка зрения на сущность эксплуататорского государства, но и эти важные тезисы Н. Г. Чернышевского дали основания Плеханову говорить о государстве как об органе классового неравенства и о связи права с экономикой.

Основное содержание исследований Плеханова о воззрениях Чернышевского можно определить словами самого Плеханова: «Я не отвергаю наследства Чернышевского, но я и не могу довольствоваться им; я дополняю его теми драгоценными приобретениями, которые удалось сделать человеку, шедшему по одной дороге с Чернышевским, но ушедшему дальше его, благодаря более благоприятным обстоятельствам своего развития»³².

В трудах Плеханова 80—90-х годов впервые в истории русской общественной мысли была дана в основе своей правильная, марксистская оценка революционной и теоретической деятельности Н. Г. Чернышевского. Плеханов раскрыл тесную связь между творчеством Чернышевского и Белинского и разночинно-демократическим движением в России, идейную связь этого движения с революционными движениями в западноевропейских странах

По важнейшим вопросам истории русской философии Плеханов в 90-х годах и в более поздний период борьбы с ликвидаторством был близок к Ленину, стоял в основном на марксистских позициях, поэтому дал глубокую научную оценку истории русской общественной мысли. Но есть и слабые стороны в его оценках представителей русской философской мысли. Например, Плеханов правильно выделял в качестве источников формирования мировоззрения Чернышевского антропологический материализм Фейербаха и идеалистическую диалектику Гегеля, однако не учитывал материалистическую традицию в России, сложившуюся уже к 40-м годам XIX в. При оценке общественно-полити-

ческих и социологических взглядов Чернышевского и других передовых русских мыслителей середины XIX в., он уделял недостаточно внимания тому факту, что главным в их мировоззрениях был не утопический социализм, а революционный демократизм, выражавший интересы крестьянства.

Как уже говорилось выше, на пути к марксизму Г. В. Плеханов прошел так называемый «народнический период». Наиболее сильное воздействие на формирование его взглядов в этот период оказали идеи М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова.

О влиянии Бакунина Плеханов писал: «В народнический период моего развития я — как и все наши народники — находился под сильным влиянием сочинений Бакунина, из которых я вынес великое уважение к материалистическому объяснению истории. Я уже тогда был твердо убежден, что именно историческая теория Маркса должна дать нам ключ к пониманию тех задач, которые мы должны решить в своей практической деятельности... Это уже несомненный марксизм. Но этот марксизм достиг до моего сознания, пройдя сначала через призму бакунинского учения, и поэтому он приводил меня к несостоятельным утопическим выводам»³³.

Не менее сильным в этот период было влияние идей П. Л. Лаврова. В своей первой статье «Закон экономического развития и задачи социализма в России», опубликованной в феврале 1878 г. в журнале «Земля и воля», Плеханов выступил с изложением социально-экономических взглядов народничества, доказывая вслед за Герценом возможность для России некапиталистического пути развития. В этой работе уже заметно знакомство Плеханова с сочинениями К. Маркса, Ф. Энгельса и Е. Дюринга.

До 1882 г. Плеханов считал себя последовательным сторонником идей П. Л. Лаврова, изложенных в основной его работе «Исторические письма». «С тех пор как во мне начала пробуждаться „критическая мысль“, — писал он в письме к Лаврову, — вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитавшими и развившими мой ум во всех отношениях»³⁴. К энергии, героизму, сознательной, целенаправленной инициативе русской революционной интел-

³¹ Там же. С. 74.

³² Там же. Т. 5. С. 130.

³³ Там же. Т. 1. С. 19—20.

³⁴ Цит. по кн.: *Иовчук М., Курбатова И.* Плеханов. М.: Мол. гвардия, 1977. С. 20.

АНАЛИЗ Г. В. ПЛЕХАНОВЫМ ПРОБЛЕМ ГОСУДАРСТВА

1. ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БАЗИСА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАДСТРОЙКИ

лигенции взывал Лавров в своих «Исторических письмах», и это было наиболее сильной стороной его труда. «Утопизм революционного мышления Лаврова, — отмечает И. К. Пантин, — начинается там, где он пытается втиснуть революционный процесс в рамки деятельности интеллигенции»³⁵. Лавров не признает других методов революционной деятельности, кроме пропаганды, поэтому перспективу освободительного движения вплоть до революции он видит как процесс более широкого распространения социалистических идей.

В 1881—1883 гг. в журнале «Отечественные записки» были напечатаны две большие статьи Г. В. Плеханова: «Новое направление в области политической экономии» и «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцеца». По сравнению с предыдущими работами Плеханова эти статьи явились шагом вперед, смелой, хотя не совсем последовательной попыткой научного анализа и критики современных ему направлений буржуазной политической экономии с позиций марксизма.

Переход Плеханова от народничества к марксизму завершился в 1883 г. Находясь в это время в эмиграции, он приходит к выводу о необходимости создания партии для ведения политической борьбы. Вместе с П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич, Л. Г. Дейчем и В. Н. Игнатовым Плеханов разрабатывает программу социал-демократической группы «Освобождение труда», которая со времени ее учреждения в 1883 г. дает начало российскому социал-демократическому движению.

Первой марксистской работой Плеханова явилась брошюра «Социализм и политическая борьба», вышедшая в том же 1883 г. По словам Ленина, эта работа явилась первым *profession de Foi* (символом веры) русского социализма³⁶. Работа была посвящена характеристике теории научного социализма Маркса и Энгельса и выяснению значения политической борьбы рабочего класса. Эпиграфом к ней Плеханов взял известное положение Маркса: «Всякая классовая борьба есть борьба политическая»³⁷ — и старался показать правильность этой мысли на материале русской действительности.

³⁵ Пантин И. К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М.: Политиздат, 1973. С. 205.

³⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 311.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 433.

Значительный вклад в разработку марксистской общественно-политической науки Г. В. Плеханов внес по вопросу взаимодействия базиса и надстройки. Исследуя эти проблемы, он отстаивал и защищал марксистскую теорию от нападков сторонников экономического материализма, субъективной социологии, различных идеалистических теорий.

В работе «Основные вопросы марксизма» Г. В. Плеханов излагает положения марксовой материалистической теории общественного развития. Взаимоотношения базиса и надстройки Плеханов представляет в виде следующей пятичленной формулы: «1. Состояние производительных сил; 2. Обусловленные ими экономические отношения; 3. Социально-политический строй, выросший на данной экономической основе; 4. Определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем, психика общественного человека; 5. Различные идеологии, отражающие в себе свойство этой психики»¹. При этом Плеханов сравнивает идеализм Гегеля и материализм, который не помешал Марксу признать в истории действие «духа» как силы, «направление которой определяется в каждое данное время и в последнем счете ходом развития экономики»².

Отмечая определяющую роль экономики в развитии общественной жизни, Плеханов показал ее неодинаковое воздействие на те или иные стороны существования. «Иногда „экономика“, — писал он, — влияет на поступки людей через посредство «политики», иногда через посредство философии, иногда через посредство искусства или какой-нибудь другой идеологии, и толь-

¹ Плеханов Г. В. Соч. М., Л.: 1925. Т. 18. С. 231.

² Там же. С. 232.

ко по временам, на позднейших ступенях общественного развития, экономика является в сознании людей в своем собственном «экономическом» виде. Чаще всего она влияет на людей через посредство всех этих факторов вместе, причем их взаимное отношение, равно как и сила каждого из них в отдельности, зависит от того, какие именно общественные отношения выросли на данной экономической основе, что, в свою очередь, определяется характером этой основы»³.

Базисом, определяемым развитием производительных сил, Плеханов вслед за Марксом называет совокупность существующих экономических отношений, решающей стороной которых становятся отношения частной или общественной собственности. Иногда он употребляет термин «основание», куда, как и Маркс, относит производительные силы и производственные отношения (т. е. способ производства в целом). В надстройку входят все отражения в сознании людей общественного бытия, в том числе право⁴. В пятичленной формуле взаимоотношения базиса и надстройки Плеханов показал сложный механизм связей общественных отношений, их последовательность и диалектику. Однако схематичность такого изложения дает основания выделить некоторые недостатки. В частности, схематизм помешал автору показать обратное влияние «надстройки» на «основание». Хотя во многих своих произведениях Плеханов особенно подчеркивает обратное влияние надстройки на базис, решительно выступает против упрощенного подхода к их взаимодействию.

Некоторые советские авторы считают существенным теоретическим недостатком схемы отсутствие в ней классовой борьбы, которая не вошла у Плеханова ни в базис, ни в надстройку общества. А одним из следствий этого просчета, по их мнению, явилось принижение роли борьбы классов в формировании различных видов идеологии, которая в соответствии с приведенной схемой обуславливается свойствами психики⁵.

³ Плеханов Г. В. Избранные филос. произведения. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 2. С. 292.

⁴ См.: Там же. Т. 1. С. 637.

⁵ См.: *Вошкинова М. И.* В. И. Ленин и Г. В. Плеханов о роли личности в истории // Вопросы теоретического наследия В. И. Ленина. Красноярск, 1966. С. 34.

На наш взгляд, для первого вывода нет достаточных оснований, т. е. цель плехановской формулы общественного развития — показать с марксистских позиций⁶, что представляет собой общество в схематически сжатом виде. О том, что Плехановым не принялась роль классовой борьбы как важнейшего движущего противоречия в развитии эксплуататорских общественно-экономических формаций говорит все его дальнейшее творчество. Думается, что и для второго вывода нет также достаточного основания, поскольку идеология⁷ выводится Плехановым не столько из психики самой по себе, сколько из психологии определенного класса, о чем Плеханов говорит в своих пояснениях к схеме общественного развития. «Психология французского романтизма станет нам понятной только тогда, — пишет Плеханов, — когда мы взглянем на нее как на психологию определенного (буржуазного. — Н. П.) класса, находящегося в определенных общественных и исторических условиях»⁸.

Однако в формуле Плеханова отсутствует такой важный общественный институт, как государство. Но здесь можно согласиться с мнением Б. А. Чагина, считающего, что «при здравом рассмотрении этой схемы и с учетом всего того (курсив наш. — Н. П.), что пишет Плеханов в данной работе и вообще в своих произведениях... отпадают указанные возражения против нее. Понятие государства, как и классов, включается у Плеханова в понятие „социально-политический строй“»⁹. Это подтверждается во многих других работах Плеханова, в которых он анализирует вопросы о связях и зависимости социально-политического строя, классов, государства, внутренней и внешней политики от экономики, «основания» общества¹⁰.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 402.

⁷ Под идеологией в широком смысле мы понимаем всю сферу общественного сознания в отличие от материальной сферы общественного бытия.

⁸ Плеханов Г. В. Избранные филос. произведения. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. С. 181.

⁹ Чагин Б. А. Разработка Г. В. Плехановым общесоциологической теории марксизма. Л., 1977. С. 96.

¹⁰ См.; напр.: К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избранные филос. произведения. Т. 1; Материалистическое понимание истории // Там же. Т. 2. Очерки по истории материализма // Там же; Основные вопросы марксизма // Там же. Т. 3; и др.

Г. В. Плеханов творчески применяет диалектический метод к анализу процесса взаимодействия базиса и надстройки, раскрывает единство, или, как он выражается, монизм исторического процесса. «Маркс называет экономической структурой общества, — писал Плеханов, — совокупность отношений производства. Но эти отношения суть не что иное, как взаимные отношения людей в общественном производительном процессе. Значит, всякое изменение отношений производства есть изменение отношений, существующих между людьми. Поэтому совершенно нелепо говорить о „саморазвитии“ этих отношений, которое совершается будто бы само собою...». Вследствие развития производительных сил, которые вступают в противоречие с существующей экономической структурой, возникают те или иные формы политического протеста, «растет партия поваторов, другими словами — изменяются взаимные отношения людей и в области политической жизни. Когда это изменение достигает известной степени, начинается процесс переделки старой экономической структуры... Отсюда, между прочим, опять видно, почему ничто в общественной жизни не совершается „само собою“, а все предполагает деятельность общественного человека»¹¹.

Духовная эволюция, или эволюция идеологии, имеет, по Плеханову, свои специфические закономерности, которые обусловлены экономическим развитием общества. «В то время как экономическое развитие в общих чертах достаточно может быть объяснено при помощи своей собственной логики, путь духовной эволюции находит себе объяснение только в экономике»¹². Формы взаимодействия между базисом и надстройкой выступают как непосредственные и опосредственные. Например, «...право, государственный строй и нравственность всякого данного народа, — писал Плеханов, — непосредственно и прямо обуславливаются свойственными ему экономическими отношениями. Этими же отношениями обуславливаются — но уже косвенно и посредственно — все создания мысли и воображения: искусство, наука и т. д.»¹³.

Наиболее непосредственно связаны с базисом, по мнению Плеханова, политическая и правовая над-

стройки. При этом несводимость идеологических образований к экономическим факторам приводит его к выводу об относительной самостоятельности эволюции идеологии. К этому выводу Плеханова привел анализ исторической преемственности идей и идеологии в целом. «Конечно, — писал он, — никогда не следует при этом забывать, что если идеи, господствующие в каком-нибудь классе в данное время, по своему содержанию определяются социальным положением этого класса, то по своей форме они находятся в тесной связи с идеями, господствовавшими в предыдущую эпоху в том же самом или высшем классе»¹⁴.

Развивая эту мысль, Плеханов пишет: «До сих пор мы говорили, что, раз даны производительные силы общества, дана и его структура, а следовательно, и его психология. На этом основании можно было приписать нам ту мысль, что от экономического положения данного общества можно с точностью умозаключить к складу его идей. Но это не так, потому что идеология каждого данного времени всегда состоит в теснейшей положительной или отрицательной связи с идеологией предшествующего времени»¹⁵.

Без учета преемственности идеологии невозможно изучение таких форм общественного сознания, как философия, религия, искусство, наука и др. Сравнительное изучение различных форм общественного сознания в различные эпохи и в различных обществах не только подтверждает вывод Плеханова об относительной самостоятельности идеологии, но и обнаруживает взаимозависимость между различными формами общественного сознания, доминирование той или иной из них в конкретно-исторических условиях.

Относительную самостоятельность в развитии общественного сознания и его форм Плеханов видит прежде всего в тесной связи с предшествующим развитием духовной культуры. Для доказательства значения исторической преемственности, связи в развитии общественного сознания Плеханов обращается к русской и мировой культуре, показывает влияние французской философии и литературы на философию и литературу России XVIII в., взаимодействие между французской и английской литературой и философией. В книге «История русской общественной мысли» он раскрыва-

¹¹ Плеханов Г. В. Избранные филос. произведения. Т. 2. С. 278.

¹² Там же. С. 176.

¹³ Там же. С. 247.

¹⁴ Там же. С. 175.

¹⁵ Там же. Т. 1. С. 666.

ет исторически преемственную связь русской культуры с мировой культурой. Плеханов отмечает, что развитие идеологии в той или иной стране усложняется в результате влияния идеологии других стран. «Когда — как, например, в Европе нового времени — мы имеем целую систему обществ, чрезвычайно сильно влияющих одно на другое, тогда развитие в каждом из этих обществ усложняется так же сильно, как усложняется его экономическое развитие под влиянием беспрестанного торгового обмена с другими странами»¹⁶.

Таким образом, недостаток, заключающийся в отсутствии показа обратного влияния надстройки на экономический базис, характерен лишь для схематического изложения Плехановым теории общественного развития в работе «Основные вопросы марксизма».

Анализируя формы общественного сознания с помощью диалектического метода, Плеханов определяет, в какой причинно-следственной связи находятся идеология¹⁷ и экономика в процессе взаимодействия различных сторон общественной жизни. В работах Плеханова убедительно раскрываются эклектизм и теоретическая несостоятельность «теории факторов».

В ее основе — эмпирическое изучение отдельных сторон общественной жизни, которое не позволяет раскрыть внутреннюю причинную связь между ними. В качестве «факторов» независимо друг от друга могут выступать идеология и экономика, право и мораль. Вслед за Марксом и Энгельсом Плеханов показал, что в основе общественного развития лежит экономика, развитие производительных сил играет определяющую роль в общественном устройстве.

«Исторические „факторы“, — писал он, — оказываются простыми абстракциями, и, когда исчезает их туман, становится ясно, что люди делают не несколько отдельных одна от другой историй — историю права, историю морали, философии и т. п., — а одну только историю своих собственных общественных отношений, обусловливаемых состоянием производительных сил в каждое данное время. Так называемые идеологии

представляют собою лишь многообразные отражения в умах людей этой единой и нераздельной истории»¹⁸.

Тот же диалектический метод Плеханов применяет, критикуя взгляды представителей «экономического материализма», абсолютизирующих только «экономический фактор», оставляя без внимания деятельность людей во всей ее полноте.

Используя дифференцированный подход к анализу взаимоотношений базиса и надстройки, Плеханов различает надстройки первого и второго порядка. К первым он относит политику и право, ко вторым — науку и мораль. Отношения между формами общественного сознания рассматриваются им как иерархия идеологических образований, из которых наиболее абстрактные — философия и искусство — детерминируются экономическими факторами через посредство менее абстрактных и более конкретных идеологических форм, к которым Плеханов относит политические и правовые теории, этические концепции и др.

Большое значение в своих работах Плеханов уделял изучению процессов возникновения и развития различных форм общественного сознания. Анализируя эти процессы, он обнаружил неравномерность развития идеологии в целом. «На различных стадиях общественного развития, — подчеркивает Г. В. Плеханов, — всякая данная идеология в очень неодинаковой степени испытывает на себе влияние других идеологий»¹⁹.

Одним из важнейших идеологических принципов исследования различных форм общественного сознания у Плеханова выступает историзм. В процессе конкретно-исторического анализа того или иного идеологического образования он выявляет сложность взаимоотношений и взаимосвязей элементов идеологической надстройки, с одной стороны, и экономических условий и особенностей общественных отношений — с другой. «Одинаковые по своей природе, но неодинаковые по степени развития, — отмечает он своеобразие развития форм общественного сознания в условиях Западной Европы, — общественные элементы различно сочетались в различных европейских странах и тем причиняли то, что в каждой из них было очень своеобразное „состояние умов и прав“, выразившееся в на-

¹⁶ Там же. С. 558.

¹⁷ Термин «идеология» употребляется Плехановым в двух значениях: для обозначения духовной жизни общества в целом и той или иной формы общественного сознания.

¹⁸ Плеханов Г. В. Избранные филос. произведения. Т. 2. С. 266.

¹⁹ Там же. С. 261.

циональной литературе, в философии, в искусстве и т. д. Вследствие этого один и тот же вопрос мог до страсти волновать французов и оставлять холодными англичан, к одному и тому же доводу передовой немец мог относиться с почтением, а передовой француз с горячей ненавистью»²⁰.

Развитие идеологии и составляющих ее частей имеет, по мнению Плеханова, относительно самостоятельный характер. Наряду с неравномерностью развития различных форм общественного сознания он выделяет ряд специфических закономерностей развития идеологии, одной из которых является историческая преемственность той или иной формы общественного сознания. Анализируя историю развития философии, искусства или религии, Плеханов показывает, что без учета исторической преемственности нельзя установить последовательность тех или иных идей, понятий и представлений. «Идеологи одной эпохи, — пишет он, — или идут по следам своих предшественников, развивая их мысли, применяя их приемы и только позволяя себе „соперничать“ с ними, или же они восстают против старых идей и приемов, вступают в противоречие с ними»²¹.

Вместе с тем Плеханов вскрывает диалектику развития идеологии и различных форм общественного сознания. Взаимосвязь и взаимодействие между понятиями и представлениями каждой из этих форм порождены единством самого общественно-исторического процесса, поскольку изменения, происходящие в общественных отношениях, влекут за собой соответствующие изменения в политической, правовой и идеологической надстройке.

Плеханов доказал, что политика, политические учредения не только отражают состояние и уровень развития экономических отношений, но и оказывают на них со своей стороны активное воздействие. В контексте своего реферата, прочитанного в Берне (1896), Плеханов замечает: «Может ли экономия что-либо сделать сама собою? Нет, только путем политической борьбы. Политическая борьба необходима для обеспечения экономических интересов»²².

²⁰ Там же. Т. 1. С. 659.

²¹ Там же. С. 661.

²² Плеханов Г. В. Философско-литературное наследие. М.: Наука, 1973. Т. 1. С. 39.

Таким образом, признание активной роли политики, политического фактора в развитии экономики было заслугой Плеханова, а не его ошибкой, как полагал М. Н. Покровский, упрекавший Плеханова в абсолютизации политического фактора при объяснении истории русской общественной мысли и в недооценке экономики²³.

Плехановские теоретические разработки этой проблемы были очень актуальны в то время, так как некоторые «марксисты» игнорировали политические задачи социализма. По их мнению, «экономическая революция» могла быть достигнута только путем экономической борьбы. «Понимаемый таким образом „марксизм“, — пишет Плеханов, — должен был бы изменить самый взгляд социалистов на цели и средства социальной революции и вернуть их к знаменитой формуле Прудона: «политическая революция — цель, экономическая революция — средство». Точно так же он должен был бы значительно сблизить по крайней мере в теории социалистов-революционеров с последователями «консервативного социализма», который так решительно противится политической самодеятельности рабочего класса»²⁴.

В своей полемике с народниками Плеханов подверг критике эту и другие формы субъективистского понимания политической борьбы. В работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов показывает, что «всегда и везде, где процесс экономического развития вызывал расчленение общества на классы, противоречие интересов этих классов неизбежно приводило их к борьбе за политическое господство. Эта борьба возникала не только между различными слоями господствующих классов, но также между этими классами, с одной стороны, и народом — с другой...»²⁵.

Плеханов прослеживает генезис политической организации общества, начиная с государств древнего Востока и античного мира до современной ему буржуазной политической организации, учитывая при этом, что «всегда и везде политическая власть была рычагом, с помощью которого добившийся господства класс со-

²³ См.: Чагин В. А. Разработка Г. В. Плехановым общесоциологической теории марксизма. С. 101.

²⁴ Плеханов Г. В. Соч. М., 1925. Т. 2. С. 48.

²⁵ Там же. С. 51.

вершал общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития»²⁶.

Разъясняя сущность политического «фактора» (под которым Плеханов имел в виду политические учреждения, партии, политические теории, политическое сознание), он писал: «Эта деятельность людей, направленная к достижению различных (экономических, правовых, нравственных) целей и опирающаяся на существующее в данное время соотношение общественных сил, т. е. различных общественных классов. Таким образом, мы в политике, как и в экономике, имеем дело лишь с общественными отношениями людей. Одни и те же люди создают одною стороною своих отношений экономическую структуру общества, а другою стороною — его политический строй»²⁷.

На примере изменения структурных элементов политического «фактора» феодального общества Плеханов показывает зарождение капиталистических отношений и утверждение господства буржуазии.

Анализируя политическую роль буржуазии своего времени, Плеханов показывает конец ее исторической роли и появление пролетариата, который становится единственным представителем прогрессивных стремлений в обществе. «Мы можем наблюдать, — констатировал он, — явление, аналогичное вышеуказанному, хотя и совершающееся при изменившихся условиях»²⁸. В ходе развития капиталистической формации и обострения ее противоречий создаются новые надстроечные элементы — идеи, учреждения и организации пролетариата, заинтересованного в ликвидации формации. Но эти элементы не входят в господствующую часть надстройки, которая стремится подавить или ограничить их действие.

Большое внимание в своих работах Плеханов уделяет необходимости создания пролетарской партии в России с целью добиться политической силы в государстве, а с ее помощью и экономической независимости. Но без революционной теории нет революционного движения, продолжает свои рассуждения Плеханов: «...всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добывающаяся господства, революционны лишь постольку, поскольку они

²⁶ Там же.

²⁷ Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1937. Т. 4. С. 172.

²⁸ Плеханов Г. В. Соч. Т. 2. С. 53.

представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире»²⁹. Такой революционной общественной теорией XIX в. Плеханов называет марксизм.

Большой вклад в разработку марксистской теории Плеханов внес по вопросу диалектики базиса и надстройки, правильно решив вопрос о соотношении политики и экономики, подчеркивая определяющее значение последней и решающую, активную роль первой.

2. ПЛЕХАНОВ О ГЕНЕЗИСЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

В основу развиваемых Плехановым взглядов на происхождение государства положена выдвинутая им теоретическая схема общественно-исторического развития. Опираясь в целом на марксистскую трактовку этого вопроса, Плеханов выстраивает собственную концепцию исторического развития государства в России.

В своем развитии эта концепция имеет два периода: до 1903 г. в работах «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «О материалистическом понимании истории» и после 1903 г. в работах меньшевистского периода, главным образом в «Истории русской общественной мысли» (1912).

В приведенной выше пятичленной схеме соотношения базиса и надстройки социально-политический строй (он включает социальную структуру и связанные с ней политические отношения, государство и партии) занимает промежуточное место между собственно экономическими отношениями, с одной стороны, и идеологическим и социально-психологическим — с другой.

Основным законом развития социальной структуры и политической системы, в том числе и государств, в антагонистическом обществе, по оценке Плеханова, является борьба классов³⁰. Он выявляет внутреннюю

²⁹ Там же. С. 71.

³⁰ См.: Там же. С. 55.

связь между экономическими отношениями, борьбой классов и социально-политическим строем. История, по мнению Плеханова, «показывает нам, что всегда и везде, где процесс экономического развития вызывал расчленение общества на классы, противоречие интересов этих классов неизбежно приводило их к борьбе за политическое господство. Эта борьба возникала не только между различными слоями господствующих классов, но также между этими классами, с одной стороны, и народом — с другой, если только последний был поставлен в условия хоть немного благоприятные для его умственного развития»³¹.

Вопрос о происхождении государства у Плеханова является наиболее сложным и дискуссионным. Существует мнение о том, что Плеханов в решении вопроса о возникновении государства на первое место ставил нужды общественного развития, а затем уже вопрос о государстве как организации господства привилегированного меньшинства над поработенным большинством. В пользу такой оценки свидетельствует критика Плехановым позиции А. Лабриолы³² в том, что государство является организацией господства одного общественного класса над другим³³. Здесь Плеханов следует за Энгельсом, у которого в «Анти-Дюринге» государство возникает как инструмент общественных дел (на Востоке)³⁴. Тогда как во всех других работах Энгельса государство — главным образом орудие классового господства.

На наш взгляд, вышеуказанная трактовка плехановской концепции возникновения государства неправоверна. Для доказательства подробно процитируем то место в работе Плеханова «О материалистическом понимании истории», где он поднимает эти вопросы. Автор пишет: «Развитие производительных сил создает разделение общества на классы, интересы которых не только различны, но во многих — и притом существен-

³¹ Плеханов Г. В. Избранные филос. произведения. Т. 1. С. 76.

³² А. Лабриола — итальянский марксист, автор книги «Очерки материалистического понимания истории», вышедшей в Риме в 1895—1897 гг. Энгельс в своем письме к Зорге от 30 декабря 1893 г. называл его последователем Маркса (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 161).

³³ См.: Чагин Б. А. Разработка Г. В. Плехановым общесоциологической теории марксизма. С. 173; Чагин Б. А., Курбагова И. Н. Плеханов.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 152.

ных — отношениях диаметрально противоположны. Эта противоположность интересов порождает враждебные столкновения между общественными классами, их борьбу. Борьба приводит к замене родовой организации государственной, задача которой заключается в охране господствующих интересов»³⁵. И далее, на что надо обратить внимание: «Это была бы неполная картина возникновения государства, надо принимать во внимание и нужды общественно-производительного процесса»³⁶. На наш взгляд, в этих словах Плеханова отсутствует элемент спорности, несогласия с А. Лабриолой. Он, скорее, дополняет картину возникновения государства в странах Древнего Востока.

Он пишет: «В таких государствах, как Китай или древний Египет, где цивилизованная жизнь была невозможна без очень сложных и обширных работ по регулированию течения и разлива больших рек и по организации орошения, возникновение государства может быть в весьма значительной степени объяснено непосредственным влиянием нужд общественно-производительного процесса. Неравенство, без сомнения, существовало там уже в доисторическое время и в той или другой степени как внутри племен, вошедших в состав государства и часто совершенно различных по своему этнографическому происхождению, так и между племенами. Но те господствующие классы, с которыми мы встречаемся в истории этих стран, заняли свое более или менее высокое общественное положение именно благодаря государственной организации, вызванной к жизни нуждами общественно-производительного процесса»³⁷.

Выделяя особо появление государственности в странах Древнего Востока, Плеханов интересно ставит вопрос о соотношении восточного и античного способов производства. Он замечает, что, надо думать, когда Маркс ознакомился с книгой Моргана о первобытном обществе, то он, вероятно, изменил свой взгляд на отношение античного способа производства к восточному.

³⁵ Плеханов Г. В. Соч. М., 1925. Т. 8. С. 250.

³⁶ Там же. В «Избранных философских произведениях» (Т. 2. С. 249.) эта фраза заменена на следующую: «Это так. Но это едва ли выражает полную истину». Если вдуматься в смысл того, что хотел сказать Плеханов, то и здесь не видно оспаривания положений А. Лабриолы.

³⁷ Плеханов Г. В. Соч. Т. 8. С. 252.

В самом деле, логика экономического развития феодального способа производства привела к социальной революции, закончившейся утверждением капитализма. Но логика экономического развития Китая или древнего Египта вовсе не вела к появлению античного способа производства. Античное общество сменило собою родовую общественную организацию, и та же организация предшествовала возникновению восточного общественного строя. Каждый из этих двух типов экономического устройства явился результатом того роста производительных сил в недрах родовой организации, который в конце концов неизбежно должен был привести ее к разложению³⁸.

В работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов различает естественное основание и социальную природу государства. В подкрепление своего взгляда Плеханов ссылается на примечание Маркса к «Капиталу», где говорится, что естественным основанием государственной власти в Индии было регулирование притока воды. Позиция Плеханова в данном вопросе не противоречит Марксу, так как в этом случае у Плеханова речь идет о роли географической среды в судьбах государств, «возникающих на развалинах первобытных родовых организаций»³⁹.

На выводы Плеханова относительно образования государств в Древнем Востоке, помимо марксовых суждений, оказало влияние его знакомство с книгой Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки», вышедшей в Париже в 1889 г. В своей книге Л. И. Мечников пытается ответить на вопросы: каким путем совершается внутреннее развитие человечества, почему одни племена остаются почти совершенно неподвижными, другие же соединяются в обширные государственные «тела», где начинается политическая жизнь? Ответ на эти вопросы автор ищет во влиянии географической среды, окружающей человеческие общества, подробно рассматривает влияние «великих исторических рек» Нила, Тигра, Евфрата и Ганга на развитие древневосточных цивилизаций, пытается делить историю человечества на периоды в зависимости от степени развития водных путей сообщения⁴⁰.

³⁸ См.: Там же.

³⁹ Там же. М., 1925. Т. 7. С. 164—165.

⁴⁰ См.: Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924.

Плеханов отмечает, что географические особенности территории речных цивилизаций указаны Мечниковым наиболее полно, но не отражен столь же полно характер общественных отношений, внутреннее развитие общественного порядка на берегах этих рек, отчего воззрения Л. И. Мечникова страдают своего рода «географическим схематизмом»⁴¹.

Одним влиянием географической среды нельзя объяснить всего хода истории. «Среда,— пишет Плеханов,— делает, конечно, свое дело, но создавшиеся под ее влиянием общественные отношения также имеют свою внутреннюю логику, которая часто может стать даже в противоречие с требованиями среды». И далее: «для изучения внутренней логики общественных отношений много сделано в последние сорок лет, в особенности школой Маркса, и нельзя не пожалеть, что Л. И. Мечников оставил без внимания почти все ее выводы»⁴².

Рассматривая организацию античных государств, Плеханов в работе «Основные вопросы марксизма» приходит к выводу, что главной отличительной чертой этих государств была политическая организация, выражающая и защищающая интересы господствующего класса⁴³. Для него несомненен вопрос о том, что в основе греческой и римской истории лежала борьба классов. «Прочитайте Фукидида, Ксенофонта, Аристотеля,— советовал он народнику Н. К. Михайловскому,— почитайте римских историков, даже хотя бы Тита Ливия... и у каждого из них вы увидите твердое убеждение в том, что экономические отношения и вызываемая ими борьба классов служили основанием внутренней истории тогдашних обществ»⁴⁴.

Таким образом, представления Плеханова о возникновении государств в древневосточных и античных обществах, на наш взгляд, лежат в русле марксистского учения.

Взгляды Плеханова на возникновение древнерусского государства прослеживаются в его анализе теорий представителей либерального направления исторической науки в России — Н. П. Павлова-Сильванского, В. О. Ключевского, С. М. Соловьева, В. А. Келтуялы в работе «История общественной мысли в России».

⁴¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 7.

⁴³ См.: Там же. Т. 18. С. 206.

С. 26.

⁴⁴ Там же. Т. 7. С. 240.

⁴² Там же.

Н. П. Павлов-Сильванский в своих трудах «Феодализм в Древней Руси», «Феодализм в удельной Руси» возражал против господствующего в его время представления о самобытности русского исторического развития, именно об отсутствии в России феодальных порядков, типичных для средневековой Европы. Критикуя эту идею, Плеханов писал: «Мы знаем теперь не только то, что Россия, подобно европейскому Западу, прошла через фазу феодализма... та же фаза была пройдена... всеми культурными странами Востока». По мнению Плеханова, нельзя толковать о полном своеобразии русского исторического процесса, но говорить об особенностях исторического процесса можно, так как эти особенности заметно отличаются от исторического процесса всех стран европейского Запада и имеют схожесть с развитием государств на Востоке⁴⁵.

Свое видение исторического процесса в России Плеханов выразил в следующей схеме. История России — это история страны, колеблющейся между Востоком и Западом. В киевский период своей истории Россия стояла ближе к Западу, чем к Востоку; в московский период — она все более отдалялась от Запада к Востоку. Основным содержанием русского исторического процесса примерно до конца XVII в. Плеханов считал закрепощение государством всех классов русского общества. Петровские реформы, по его мнению, являются началом поворота России в сторону Запада, ее «европеизации», началом процесса «раскрепощения дворянства». Вся последующая история России в изображении Плеханова есть история ее постепенного сближения с Западом. Этапом «европеизации» Плеханов считал крестьянскую реформу 1861 г. В колебаниях России между Востоком и Западом видел Плеханов те особенности (хотя, по его словам, второстепенные) в русском общественном развитии, которые предполагают своеобразие черт, «наблюдаемых в ходе нашего умственного развития и в нашем так называемом народном духе»⁴⁶.

Но чем же должно быть объяснено относительное своеобразие русского исторического процесса? «Ход развития всякого данного общества, разделенного на классы, определяется ходом развития этих классов и

⁴⁵ См.: Там же. 1925. Т. 20. ⁴⁶ Там же. С. 13. С. 12.

их взаимными отношениями, т. е., во-первых, их взаимной борьбой»⁴⁷, — пишет Плеханов. Значит, ходом развития и взаимными отношениями классов, составляющих русское общество⁴⁸, и объясняются особенности исторического развития. Этот вывод Плеханова очень важен, так как и Н. П. Павлов-Сильванский и В. О. Ключевский видели историю политических и правовых форм прошлого в отрыве от классовых противоречий, борьбы трудящихся масс против эксплуатации⁴⁹. Но наряду с марксистским положением о классовой борьбе как факторе, обуславливающим исторический процесс, Плеханов выдвигает тезис о сотрудничестве классов, когда речь идет «о защите страны от внешних нападений»⁵⁰. Хотя в истории на отдельных и конкретных ее отрезках такие факты имели место (например, уже в 40-х годах XX в. во Франции — в период оккупации фашистскими войсками), но в антагонистическом обществе сотрудничество классов не является даже частным законом, относящимся ко времени войны в любом обществе. Это теоретическое заблуждение привело Плеханова к оппортунистической позиции в период I империалистической войны.

Плеханов убедительно опровергает точку зрения В. О. Ключевского, который считал, что своеобразие исторического процесса на Руси заключалось в господстве смешанных процессов — экономического и политического, тогда как на Западе «экономический момент явился следствием политического» (Ключевский имел в виду завоевание как первопричину образования государств). «Еще в эпоху Реставрации, — пишет Плеханов, — французские историки, сами приписывавшие завоеванию очень большую роль в развитии европейского общества, отвергали как отживший научный пред-рассудок ту мысль, что социальный строй данного народа может быть объяснен его политическими учреждениями. Они... убедительно доказывали, что политические учреждения были следствием, прежде нежели стать причиной»⁵¹. Критикуя взгляд Ключевского на роль завоевания как первопричину развития западноевропейских обществ, Плеханов убедительно доказывает, что завоевание может лишь обострить вза-

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ См.: Там же.

⁴⁹ См.: История СССР. М., 1964. Т. 1. С. 15–16.

⁵⁰ Плеханов Г. В. Соч. Т. 20. С. 13.

⁵¹ Там же. С. 17.

имные отношения классов. «Большая или меньшая степень драматизма в общественной жизни,— пишет он,— зависит только от того, как много поводов для резких и ярких столкновений между различными общественными силами создается существующим общественным порядком. А это определяется не тем, лежит или же не лежит в основе этого порядка завоевание»⁵².

Говоря о развитии русской истории раннего периода, следует отметить, что Плеханов, правильно решая вопрос о внутренних причинах развития общества, допускал некоторое преувеличение роли географической среды на направление и характер исторического процесса. Он соглашается с рассуждениями историка С. М. Соловьева о роли географической среды (непосредственное соприкосновение Восточно-Европейской равнины со степями Азии), определившей возникновение централизованного Русского государства. Однако в основе возникновения Русского государства все-таки лежит не географическое местоположение Московского государства, а возникновение всероссийского рынка, развитие антагонистических классовых противоречий, которые и обусловили формирование централизованного государства в России. Разумеется, эти социально-экономические процессы не исключают выполнения государством так называемых «общих дел» в условиях классового антагонизма, не исключают и признания роли географической среды в развитии и особенностях формирования Русского государства.

Плеханов видел в соседстве России со странами Востока главную и основную причину ее медленного экономического и политического развития. Соседство азиатских народов, набеги кочевников, однообразие природных условий — вот в чем, по его мнению, состояли решающие причины, обуславливающие замедленное историческое развитие России, создание в ней «азиатских форм» государственности. «Может быть, опустошая Русь и, стало быть, замедляя рост ее производительных сил, хищные номады способствовали возникновению и упрочению известных особенностей и в ее политическом строе»⁵³.

Опровергая гипотезу В. Келтуялы и других буржуазных историков об «охотничье-торговом» государстве, существовавшем в Древней Руси, Плеханов

убедительно показывает, что в земледелии, а не в охоте «лежала главная пружина хозяйственной жизни русского народа», Киевской Руси⁵⁴. И не в этом была причина успешных набегов кочевников, а в их сильной военной организации, самом быте и укладе жизни.

Главной причиной образования Русского централизованного государства Плеханов считает необходимость защиты от набегов кочевников⁵⁵. Он обращается к «Слову о полку Игореве» и приводит жалобы народа на княжеские усобицы. «По той же причине,— пишет он,— так сильно было впоследствии сочувствие русского народа к объединительной политике московских — а на западной половине русской территории литовских — великих князей... Казань и Астрахань пали только тогда, когда окончательно объединилась восточная Русь»⁵⁶.

Таким образом, переход от феодальной раздробленности к централизованному государству Плеханов рассматривает лишь в связи с потребностью обороны от внешнего нападения, не учитывая при этом внутреннего развития самого государства. Оборонные потребности были важной причиной в формировании государства, но не главной.

В. И. Ленин считал главной причиной формирования единого Русского государства образование всероссийского рынка. Лишь в XVII в. с развитием национального рынка экономическая раздробленность стала преодолеваться сильнее и быстрее. «Только новый период русской истории (примерно с 17 века),— писал В. И. Ленин,— характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»⁵⁷. В этом определении четко показано значение в истории России XVII столетия как переломного периода, с которого начинается развитие всероссийского рынка, зарождение в экономике элемен-

⁵⁴ Там же. С. 44.

⁵⁵ См.: Там же. С. 47.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 153—154.

⁵² Там же. С. 23.

⁵³ Там же. С. 38.

тов капитализма, формирование русской нации, что оказало влияние на темпы и характер государственной централизации.

По мнению Плеханова, государство периода Киевской Руси было неопределенным, бесформенным образованием. Правда, он указывает на наличие политической жизни в Киевской Руси: пишет о вече, о княжеском деспотизме (а в Новгороде, Пскове, Полоцке вече отеснило князя на второй план), об отношениях князя с боярским советом, но все же считает неразвитыми эти общественно-политические отношения.

Плеханов считает, что в отличие от Западной Европы и даже от Польши XI в. здесь еще не началось формирование феодального общества. В этот период он допускал существование феодальных отношений только для юго-западной Руси, учитывая близость этих земель к Западной Европе. Киевская Русь, по мнению Плеханова, не знала крепостного права, хотя знала рабовладение⁵⁸. Правильнее было бы сказать, что на Руси рабство не превратилось в господствующую форму эксплуатации. Это утверждение Плеханова противоречит ленинскому утверждению о том, что в России существовало феодальное землевладение и феодальная эксплуатация с древнейших времен. В. И. Ленин определил хронологические рамки существования феодализма в России, указав, что «крепостничество может удержаться и веками держит миллионы крестьян в забитости (например, в России с IX по XIX век)»⁵⁹. Буржуазные историки не видели развития феодальных отношений в Киевской Руси потому, что признаком перехода к феодализму считали не формирование антагонистических классов (землевладельцев и зависимых от них крестьян), а наступление политической раздробленности. В. И. Ленин дал периодизацию истории России, выделив три периода: Древнюю Русь, средние века и Московское царство и новый период, начинающийся с XVII в.⁶⁰

Период феодальной раздробленности Плеханов характеризует как период постепенного сближения «русского общественного быта и строя с бытом и строем великих восточных деспотий»⁶¹. И одним из доказа-

тельств этого послужило начавшееся в XV в. закрепощение крестьян. Причину появления крепостного права Плеханов видит в желании государства расширить свою политическую власть над «служилым людом» (помещиками), предоставив в его полную экономическую зависимость крестьян⁶². Уже со второй половины XV в. помещики стараются добиться законодательного запрета крестьянских переходов. Ответом на их домогательства явился знаменитый Юрьев день, хотя этот указ только ограничивал право крестьянского перехода, но не упразднил его. История крестьянского закрепощения очень продолжительна. «Закрепощение крестьян государством,— пишет Плеханов,— было дополнено системой земельных переделов, а система земельных переделов, в свою очередь, завершила собою закрепощение крестьян государством»⁶³. После закрепощения быт русского крестьянина, по мнению Плеханова, стал похож на быт земледельца великих восточных деспотий. При этом Плеханов сравнивает Московскую Русь с Древним Египтом и выделяет главную черту крепостничества — крайне жесткие формы эксплуатации.

В. И. Ленин также отмечал в качестве характерной черты русского крепостничества его силу, устойчивость и жестокие формы эксплуатации и внеэкономического принуждения крестьян. «Крепостное право в России было „гораздо более крепким“, твердым, могучим, всеильным, „чем где бы то ни было в цивилизованном мире“»⁶⁴.

В духе закрепощения всех слоев населения «сверху», государем, трактуются Плехановым отношения государя с помещиками. Вот, что он пишет об этих отношениях: они сначала выступают «как вольные слуги удельных князей и, подобно крестьянам, утрачивают право свободного перехода. Но уже в 1 половине XVI столетия служилое сословие оказывается совершенно закрепощенным государству, и это закрепощение, может быть, еще большее, нежели закрепощение крестьянства»⁶⁵. Плеханов не совсем верно трактует эту проблему, так как допускает смешение противоре-

⁵⁸ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 24. С. 5.

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 237.

⁶⁰ См.: Там же. Т. 1. С. 153—154.

⁶¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 20. С. 57—58.

⁶² См.: Там же. С. 55.

⁶³ Там же. С. 71.

⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 16.

⁶⁵ Плеханов Г. В. Соч. Т. 20. С. 78.

чий внутри класса эксплуататоров и противоречий между угнетенными и эксплуататорами.

Плеханов иногда подменяет рассмотрение тех или иных периодов истории России, а также некоторых особенностей исторического процесса (географических, национальных, этнопсихологических) неверной концепцией «государственных начал». В соответствии с этой концепцией наиболее значительные общественно-исторические процессы в России рассматриваются не как результат борьбы классов, изменений, происходящих в экономике, а как результат действий сверху, со стороны правительства или отдельных правителей. По существу точка зрения Г. В. Плеханова на этот период истории совпадает с точкой зрения представителей буржуазной исторической науки С. Ф. Платонова, С. М. Соловьева и В. О. Ключевского.

На Востоке и в России, считает он, государство выступает как «творец исторического процесса», закрепощает население, организует классы и сословия. На Западе же благодаря особо благоприятным условиям творцом исторического процесса является народ⁶⁶. В противоположность точке зрения Маркса и Энгельса, которые, учитывая своеобразие исторического развития в странах Востока, подчеркивали единство объективных закономерностей исторического развития стран Востока и Востока, Плеханов превращал своеобразие развития стран Востока в абсолют и пришел к выводу о наличии «особых законов» исторического развития для Востока и Запада.

Если в произведениях марксистского периода деятельности Плеханова географическая среда выступала как один из равнозначных составных элементов условий материальной жизни, то в последующие годы Плеханов изображает географическую среду в виде решающего фактора. Тем самым он фактически отходит от коренного марксистского положения об определении роли способа производства, подменяя его теориями «географической среды» и «колонизации». В частности, Плеханов согласен с С. М. Соловьевым в том, что «история России была историей страны, колонизовавшейся при условиях натурального хозяйства»⁶⁷, и считает, что именно колонизация вызвала в XVI в. запустение подмосковных городов, а это значит,

⁶⁶ См.: Там же. С. 88.

⁶⁷ Там же. С. 84.

что она замедлила развитие денежного хозяйства... «увеличила „инертность“ народнохозяйственной жизни».

Плеханов присоединяется к мнению С. М. Соловьева о том, что «ход событий постоянно подчинялся у нас, как и везде, природным условиям. Относительное своеобразие русского исторического процесса, в самом деле, объясняется относительным своеобразием той географической среды, в которой пришлось жить и действовать русскому народу. Ее влияние было чрезвычайно велико. Однако оно было чрезвычайно велико единственно потому, что относительное своеобразие природных условий определило собою относительно своеобразный ход русского экономического развития, в результате которого явился не менее своеобразный социально-политический строй Московского государства»⁶⁸. Конечно, Плеханов в работе «История русской общественной мысли» преувеличил роль географической среды в формировании государства в целом. Но он был прав в том, что на экономическое развитие тогдашней России все-таки оказало большое влияние своеобразие географической среды.

К сожалению, в работе «История русской общественной мысли» Плеханов не анализировал социально-экономические изменения и вызванное ими обострение борьбы классов, которая заставила господствующий класс совершенствовать государственный механизм в целях удержания в узде эксплуатируемого большинства. Обострение классовой борьбы, которое нашло выражение в восстании Степана Разина, по его мнению, «было вызвано „жесточкой эксплуатацией Московского государства „низшего класса“»⁶⁹.

Как уже говорилось выше, анализируя историческое развитие Русского государства, Плеханов поддерживал ошибочную теорию «государственных начал» так называемой государственной школы в русской историографии. Наиболее наглядно она проявилась в оценке реформаторской деятельности Петра I, который, как отметил Плеханов, «произвел в России целую революцию, имевшую огромное влияние на экономическое развитие страны»⁷⁰. Причина этих реформ заключена не в социально-экономическом развитии го-

⁶⁸ Там же. С. 99.

⁶⁹ Там же. С. 101.

⁷⁰ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова: В 3 т. М.: Наука, 1974. Т. 3. С. 57.

сударства, а лишь в его политических, или государственных, «началах».

Вопрос о значении петровских реформ был, по словам Плеханова, коренным вопросом исторической науки, решение которого заключалось в выборе направления развития России: в сторону Запада или Востока. «Петр своей преобразовательной деятельностью вовсе не шел против общего течения русской исторической жизни,— считает Плеханов,— его царствование было одной из тех совершенно неизбежных в процессе социального развития эпох, когда постепенно накапливающиеся количественные изменения превращаются в качественные»⁷¹.

Говоря о форме государственного устройства, Плеханов правильно констатировал расстановку классовых сил в тогдашней России, которая была такова, что «она решительно не могла сделаться дворянско-республиканской страной, а должна была оставаться страной абсолютной монархии»⁷². Он выделил две основные причины установления и торжества абсолютной монархии в России — это крестьянские иллюзии в отношении «хорошего царя» и желание правящего класса помещиков иметь такую государственную власть, которая дает им неограниченные права над крепостными крестьянами.

Плеханов поднимает вопрос о том, как отразились петровские реформы на крестьянстве, и правильно полагает, что «положение русского крестьянина все более и более приближалось к положению низшего, порабощенного класса восточных деспотий. Подневольный крестьянский труд на пользу помещиков и государства делался все более и более тяжелым»⁷³. Экономическая политика Петра по отношению к трудящимся осталась верной «заветам Московского государства».

Что же дало дворянству петровское реформаторство? «Совершенное им преобразование армии,— пишет Плеханов,— дало дворянству возможность добиться сравнения поместий с вотчинами и тем положить экономическую основу своей „вольности“... По мере того как оно приближалось к „вольности“, его роль в государстве переставала быть похожей на роль служилого класса в восточных деспотиях и более или менее

⁷¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 20. С. 107.

⁷² Там же. С. 109.

⁷³ Там же. С. 117.

уподоблялась роли высшего сословия в абсолютных монархиях Запада. Следовательно, социальное положение «благородного» сословия изменялось в одну сторону — в сторону Запада, в то самое время, когда социальное положение „подлых людей“ продолжало изменяться в сторону прямо противоположную — в сторону Востока»⁷⁴. В этих рассуждениях Плеханов дает правильную оценку петровских реформ и показывает, что они способствовали дальнейшему возвышению класса помещиков, а вся тяжесть преобразований легла на плечи народных масс.

Нельзя было ответить на вопрос о том, стали ли петровские реформы началом европеизации общественно-политической жизни, исходя только из исторической концепции колебания России между Востоком и Западом. Здесь, по словам Плеханова, можно говорить о двух параллельных процессах в «прямо противоположные стороны».

Много внимания в своих произведениях Плеханов уделил истории крепостного права в России. Начало ему, как полагал Плеханов, положило Уложение царя Алексея Михайловича, а последним штрихом в закреплении явились указы Екатерины II от 17 января 1765 г. и Павла I от 1796 г. Крайне жестокие, бесчеловечные формы эксплуатации крепостного крестьянства не могли не вызвать, по словам Плеханова, многочисленные народные выступления. Реализуя марксистские положения о роли классовой борьбы как движущей силы истории, Плеханов показал, что она сыграла немалую роль в отмене крепостного права. В одно только правление Николая I было 556 выступлений крестьян. Плеханов приводит такие цифры: если в 1826—1829 гг. их было 41, то в 1850—1854 гг. — 137⁷⁵. Помимо этого, осознание невыгодности крепостного труда для помещиков, проигрыш и отрицательные последствия Крымской войны, считал он, явились основными причинами отмены крепостного права.

Причины, вызвавшие отмену крепостного права, по Плеханову, вполне совпадают с ленинским анализом реформы 1861 г., в котором говорится о том, что сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма, заставила крепостников взяться за

⁷⁴ Там же. С. 118.

⁷⁵ Там же. Т. 24. С. 28.

эту реформу. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена между Россией и Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостнического государства. Крестьянские «бунты», возраставшие с каждым десятилетием, заставили первого помещика России — Александра II признать, что лучше освободить крестьян сверху, чем ждать пока крепостное право свергнут снизу⁷⁶.

Плеханов правильно сделал выводы о том, что же на самом деле дала реформа 19 февраля 1861 г. крестьянам. Она «далеко-далеко не была их полным и всесторонним освобождением. Экономическое положение нынешнего крестьянства всем известно. А что касается их правового положения, то достаточно вспомнить, что фактически они до сих пор представляют собою сословие „секомое“ по преимуществу»⁷⁷.

Реформа не ликвидировала основных противоречий существовавшей социально-политической системы России. «1861 год, — писал В. И. Ленин, — породил 1905»⁷⁸.

Но не все оценки Плеханова реформы 1861 г. совпадают с ленинскими положениями. Например, трудно согласиться с таким взглядом на реформу: «Прозаически говоря, — писал он, — вопрос об „эмансипации“ сводится к вопросу о том, кому должна пойти львиная часть прибавочного продукта, созданного крепостным населением: государству или помещику? Государство пыталось решить этот вопрос в свою пользу. Но для этого было необходимо, чтобы крестьяне были освобождены с землей, а не без земли, как того требовали помещики»⁷⁹.

В таком видении реформа 1861 г. толкуется как результат столкновения интересов царского правительства и помещиков. К сожалению, Плеханов обошел вопрос о соотношении классовых сил в период реформы, тем самым не вскрыв существа самой реформы как первого шага по пути превращения дворянской монархии в буржуазную.

На том основании, что государство выступило посредником между помещиками и крестьянами при взимании выкупных платежей и осуществляло фи-

скальные функции, Плеханов считал, что после реформы большая часть прибавочного продукта, созданного крестьянами, стала поступать государству. Однако при этом он не учел, что дворянство получило от правительства 80% капитализированной суммы выкупа государственными облигациями сразу и что государство, со своей стороны, выжимая налоги с крестьян, тратило на свою бюрократическую машину лишь часть их, а другую часть использовало для постоянных подачек дворянству и на выдачу значительных субсидий буржуазии⁸⁰.

К сожалению, в оценке Плехановым (после 1903 г.) отношений между господствующими классами и государством отсутствовала марксистская оценка государства как инструмента господствующего класса. Он часто искусственно отрывает экономическую сущность русского царизма от политики и не видит связи между этими явлениями. Русское государство, по мнению Плеханова, выступало как некий надклассовый орган, закрепостивший всех и вся. В этой связи Плеханов считал классовую борьбу крестьян против угнетателей-помещиков не только бесцельной, но и вредной ввиду общей закрепощенности первых и вторых. Крестьяне и помещики представлялись Плеханову естественными союзниками в борьбе против государства, а их взаимная борьба — препятствием движению страны по пути европеизации. «Самобытность» России такова, что «даже классовая борьба, служащая источником прогресса, очень часто служила в ней источником застоя»⁸¹. Плеханов упускал из виду то, что государственная машина и до реформы содержалась за счет прибавочного продукта, производимого крестьянством. Следовательно, положение с прибавочным продуктом после 1861 г. по существу не изменилось: как и прежде, он присваивался господствующими классами.

Оценка самой реформы 1861 г. и ее влияния на положение различных классов России позволяет сделать вывод о непоследовательности Плеханова в определении классовой сущности русского самодержавия.

После отмены крепостного права его пережитки продолжают пронизывать всю хозяйственную и поли-

⁷⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 173.

⁷⁷ Плеханов Г. В. Соч. Т. 24. С. 33.

⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 177.

⁷⁹ Плеханов Г. В. Соч. М., 1924. Т. 5. С. 7.

⁸⁰ См.: Козак В. Е. Г. В. Плеханов о развитии промышленного капитализма и положении пролетариата в России. Киев: Изд-во АН УССР, 1964. С. 8.

⁸¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 20. С. 315.

тическую жизнь страны. Вместе с тем это период усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху⁸². «После 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых странах Европы целые века»⁸³.

В пореформенный период изменилась социальная база российского абсолютизма. Если в течение двух последних веков главной классовой базой было дворянство, а также патриархальная неподвижность крестьянства, его вера в «хорошего» царя, то после реформы 1861 г. положение изменилось. Дворянство осталось основной социальной базой абсолютизма, но царизм стал теперь опираться и на буржуазию, тесно связанную с ним финансово-экономическими связями.

Вот что пишет об этом Плеханов: «Уже со времени Крымской войны правительство всячески старалось расчистить путь буржуазии, которая ускоренным темпом стремилась к экономическому господству. Рост русской промышленности при Александре III был сравнительно велик, но экономическая политика того времени, с точки зрения купечества, оставляла желать еще многого»⁸⁴. Чтобы успокоить недовольство буржуазии, правительство Александра III вынуждено было сверху законодательно утвердить те права человека, которые в тот момент были наиболее ценны для нее, «т. е. дать ей право обогащаться более ускоренным темпом, чем это возможно было раньше»⁸⁵. Правительство Александра III поддержало требование русской буржуазии о запрете на ввоз германских товаров. Это было достигнуто значительным повышением и без того высокого таможенного тарифа. Протекционистская политика Александра III была распространена также на внешнюю торговлю.

Развитие капитализма усиливало финансовую самостоятельность самодержавия и возможность его лавирования между дворянством и буржуазией. С другой стороны, капитализм разрушал патриархальную неподвижность крестьянства. В этом смысле социальные основы абсолютизма размывались, расплывались. «Российский деспотизм,— пишет Плеханов,— покоил-

⁸² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 38.

⁸³ Там же. С. 174.

⁸⁴ Плеханов Г. В. Соч. Т. 24. С. 164.

⁸⁵ Там же.

ся на невежестве и консерватизме русских крестьян, живших в пресловутых (...) сельских общинах и не интересовавшихся тем, что происходило за пределами их околиц. В настоящее время эта старая основа русского деспотизма разрушена, разрушена самим же деспотизмом»⁸⁶, «старые деревенские порядки разлагаются... в деревне образуются два новых «сословия»: буржуазия и пролетариат, который по мере своего возникновения покидает деревню и идет в города, в промышленные центры, на фабрики и заводы»⁸⁷. Вместе с тем дворянство продолжало оставаться единственным политически господствующим классом в государстве.

Плеханов первым в России подошел к изучению общественно-экономических отношений с позиций исторического материализма. Он подверг глубокой критике теорию либерально-буржуазной и народнической историографии об «особом» пути развития России. На многочисленных примерах русской действительности и истории других стран Плеханов доказывал, что в России, как и в Западной Европе, капитализм вырос в недрах феодализма. Развитие капиталистического способа производства порождает пролетариат — самый революционный класс капиталистического общества.

Но в ходе революции 1905 г. Плеханов склонился к выводу, что не пролетариат, а буржуазия выступает как движущая сила буржуазно-демократической революции. Политическую слабость, инертность русской буржуазии он считал временным явлением, полагая, что по мере усиления экономического и политического веса буржуазии столкновение между буржуазией и самодержавием станет неизбежным. «Марксист,— писал Плеханов,— поступает не так. Он не поворачивается спиной к буржуазии на том основании, что ее борьба со старым порядком не может быть последовательной до конца. Он настойчиво призывает пролетариат поддерживать ее в этой борьбе, но сообщает этой поддержке такой характер, что, чем действительно становится поддержка, оказываемая им буржуазии, тем полнее и решительнее устраняется вредная сторона буржуазного влияния на рабочий класс, тем более что то оружие, которое буржуазия дает пролетариату, обращается

⁸⁶ Там же. С. 168.

⁸⁷ Плеханов Г. В. Избранные филос. произведения. Т. 1. С. 413.

против нее самой, и тем острее становится это оружие»⁸⁸.

Правильно указав на буржуазно-демократический характер надвигавшейся русской революции, Плеханов, однако, не понял, кто станет движущей силой этой революции, каково должно быть соотношение между буржуазно-демократической революцией и социалистической. Он возводил «китайскую стену» между этими революциями, считая неизбежным длительный интервал между ними, длительное господство буржуазии. Задачу пролетариата он видел в том, чтобы выполнить за буржуазию ее историческую миссию или же толкнуть ее на более решительный путь борьбы со средневековьем. Если народники не понимали буржуазного характера крестьянской революции, то Плеханов не понял крестьянского характера буржуазно-демократической революции в России.

Плеханов рассматривал капитализм вообще, а не конкретный русский капитализм. Он не принял во внимание своеобразия русской действительности, а подошел к ней с готовой схемой западноевропейского опыта. Социально-экономические противоречия в тогдашней России он сводил к противоречиям между самодержавием и буржуазным развитием, с одной стороны, и между буржуазией и пролетариатом — с другой. В. И. Ленин отмечал, что у Плеханова «эволюция русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные бедствия почти совершенно обойдены и затемнены благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще»⁸⁹.

Что же видел Плеханов в буржуазной революции? Он считал основной задачей буржуазной революции демократизацию общественного строя, установление политической свободы в стране. Неверное понимание задач, разрешить которые была призвана буржуазно-демократическая революция в России, породило и ошибочное представление о ее движущих силах. Поскольку для Плеханова роль буржуазной революции в России заключалась в конституции и буржуазных свободах, он считал разрешение аграрного вопроса делом второстепенным и не учел такую крупную революционную силу, как крестьянство, исходя из того, что кре-

стьянству нужна земля, а не конституция. Отсутствие в крестьянстве интереса к конституции служило Плеханову основанием для обвинения крестьянства в «реакционности», «пассивности».

Следует обратить внимание, что в своих первых марксистских работах Плеханов указывает на решающую роль промышленных рабочих в политическом развитии крестьянства. «Не социалистическая интеллигенция, а прежде всего сознательный пролетарий способен обеспечить влияние революционных идей на народ. Ни по привычкам мысли, — писал Плеханов, — ни по способности к физическому труду наша революционная интеллигенция не имеет ничего общего с крестьянством. Промышленный рабочий и в этом случае составляет середину между крестьянином и студентом». Он должен поэтому послужить связующим звеном между ними»⁹⁰. Интеллигенция должна начать революционную работу сначала с пролетариатом, а по мере развития и укрепления рабочего движения переходить к систематической революционной деятельности с крестьянством.

Таким образом, в этой программе Плеханова никоим образом не игнорируется роль крестьянства, а наоборот: «Ставит своей задачей организацию социально-революционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения»⁹¹.

Какую же роль в предстоящей революции Плеханов отводил буржуазии? Он считал, что она получит наибольшую выгоду от свержения существующего режима и поэтому она больше других классов заинтересована в проведении буржуазно-демократического переворота. Но, видя ее индифферентность по отношению к существующему режиму, Плеханов начинает искать причины этого. Прежде всего, он отмечает, что буржуазия не решается выступить против самодержавия, так как не знает, на кого народ направит оружие — «на защитников абсолютной монархии или на сторонников политической свободы»⁹².

Следующая причина, по мнению Плеханова объясняющая временный союз между правительством и буржуазией, состоит в материальной выгоде буржуазии. «Царизм, — писал он, — очень выгоден буржуазии, эта

⁸⁸ Плеханов Г. В. Соч. М., 1926. Т. 15. С. 142—143.

⁸⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 233.

⁹⁰ Плеханов Г. В. Соч. Т. 2. С. 251.

⁹¹ Там же. С. 353.

⁹² Там же. С. 344.

„политическая идиллия выросла на почве простого торгового расчета. Но торговый расчет, которым прекрасно объясняется ее происхождение, нисколько не обеспечивает ее долговечности“⁹³. Плеханов надеялся, что скоро настанет время, когда абсолютизм обратится к кошельку своей союзницы, а это приведет к обострению их отношений и вызовет рост революционной активности буржуазии.

Анализируя экономическое развитие России, Плеханов верно учитывал то обстоятельство, что царизм способствует развитию капитализма в стране. Однако, по его мнению, правительство делает это из необходимости, одной рукой поддерживая буржуазию, а другой не переставая вредить ее интересам⁹⁴.

Препятствия, мешавшие развитию буржуазных отношений, Плеханов усматривал в бюрократизме государственного аппарата и в хищническом разорении крестьянства. Но он забывал, что мелкие неурядицы из-за царской бюрократии хотя и мешали буржуазии, однако они во сто крат окупались теми выгодами, которые она получала от протекционистской политики. Что же касается разорения крестьянства, то Плеханов не учитывал той выгоды, которую получила сама буржуазия в результате этого процесса.

Наблюдая пассивное отношение русской буржуазии к революционному движению, Плеханов выступал за приобщение ее к борьбе против абсолютизма. Высказав свое отношение к буржуазии еще в 1883 г., он не изменил его и в 1905 г. — в тот период, когда был ясно виден сговор буржуазии с царским правительством. В течение многих лет Плеханов потратил немало сил на бесплодную работу по разъяснению буржуазии того, что ей более, чем другим классам, выгодно свержение абсолютизма. В 1901 г. он говорил, что либеральное «общество... должно понять и, вероятно, отчасти уже поняло, что завоевание политической свободы принесло бы ему гораздо больше непосредственной пользы, чем рабочему классу, на который упала бы, однако, главная тяжесть борьбы»⁹⁵.

Западноевропейскую буржуазию Плеханов считал целиком реакционной. Он говорил, что она «давно пережила свой период бурных стремлений и сдела-

⁹³ Там же. М., 1928. Т. 3. С. 381.

⁹⁵ Там же. М., 1924. Т. 12. С. 165.

⁹⁴ См.: Там же. Т. 4. С. 303.

лась защитницей „порядка“»⁹⁶. Но в России, по его мнению, буржуазия еще не сыграла революционной роли.

Ошибочная оценка Плехановым революционных возможностей русской буржуазии объясняется, во-первых, тем, что он шаблонно переносил опыт стран Запада периода буржуазных революций XIX в. на русскую почву, не учитывая тех своеобразных условий, которые имели место в стране; во-вторых, тем, что его надежды на неизбежный переход этого класса в оппозицию к самодержавию основывались на неправильном представлении о взаимоотношениях этих сил. Страх перед революцией побудил русскую буржуазию выступить против народа в союзе с самодержавием. Плеханов преуменьшал реакционную сущность русской буржуазии и поэтому видел в ней движущую силу буржуазно-демократической революции.

В противоположность Плеханову Ленин подчеркивал, что в России «буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию...»⁹⁷. В этом и состояла ее реакционная роль в развитии русского общества.

Но не отдельные тактические ошибки и теоретические промахи определили судьбу воззрений Плеханова, а своеобразный подход к проблемам развития социализма в России, сложившийся в борьбе с народничеством. Этот подход соответствовал отношениям доимпериалистической эпохи, которая на рубеже XIX—XX вв. отходила в прошлое. Плеханову и его соратникам казалось, что, противопоставляя социологическому субъективизму народников концепцию исторической необходимости, они следуют марксистской теории. Но, пока речь шла о борьбе со старым русским народничеством, упор на объективность был правомерным. В начале же XX в. в России созрела революционная ситуация, в которой социал-демократии пришлось играть ведущую политическую роль. Непосредственное вмешательство пролетариата стало необходимостью еще в первой русской революции. Пролетариат перестает быть объектом чужой воли и становится активным действующим лицом в революционных событиях.

Этим переменам должны были соответствовать изменения в теоретических выводах социал-демократии.

⁹⁶ Там же. С. 199.

⁹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 230.

А Плеханов и его единомышленники, наоборот, делали упор на объективный характер исторического процесса, который перерос в непонимание конкретных политических задач, в принижение возможностей рабочего класса, и что особенно непростительно, в тот самый момент, когда революция ставила перед пролетариатом вопрос о руководстве народными массами.

3. КРИТИКА АНАРХИСТСКИХ И НАРОДНИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ БОРЬБУ И ГОСУДАРСТВО

Овладевая марксистской теорией, Плеханов приходит к выводу о несостоятельности народнических воззрений на политическую борьбу и государство. Вслед за Марксом и Энгельсом Плеханов в работах «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» полемизирует с Бакуниным, Лавровым, Ткачевым. «С анархической точки зрения,— писал Г. В. Плеханов,— политический вопрос является пробным камнем всякой рабочей программы. Анархисты не только отрицают всякие сделки с современным государством, но исключают из своих представлений о „будущем обществе“ все, что напоминает так или иначе государственную идею»⁹⁸.

Плеханов устанавливает тесную внутреннюю связь, которая существует между анархистскими взглядами Прудона на государство и воззрениями Бакунина и его последователей. Касаясь отношения анархизма к будущему социалистическому государству, Плеханов замечает: «Анархист отрицает созидательную роль государства в социалистической революции именно потому, что не понимает задач и условий этой революции»⁹⁹.

В работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов делает вывод о том, что политическая практика народничества опровергла теорию Бакунина и такие примеры в истории человеческой мысли вообще и революционной мысли в частности нередки¹⁰⁰.

Народовольцы в своей практике признавали необходимость политической борьбы, но гипертрофировали

⁹⁸ Плеханов Г. В. Избранные филос. произведения. Т. 1. С. 58.

⁹⁹ Там же. С. 60.

¹⁰⁰ См.: Там же. С. 66.

одну из ее сторон, не отрицая возможности использования для своих целей государства¹⁰¹.

Плеханов ставит вопрос о захвате рабочим классом политической власти, указывая, что «представители угнетенного класса или классов будут стремиться выбить из рук противников и обратить против них это страшное оружие. Сама логика вещей выдвинет их на путь политической борьбы и захвата государственной власти, хотя они и задаются целью экономического переворота»¹⁰².

Угнетенный класс может и должен перестроить государство, которое служит господствующим классам. «Достигший политического господства революционный класс,— пишет Плеханов,— только тогда и сохранит за собою это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти»¹⁰³.

Касаясь проблемы соотношения классов и политики, он раскрывает значение политической борьбы, политической власти, государства. «Если,— пишет Плеханов,— несмотря на полное несходство в других отношениях, все классы, ведущие сознательную борьбу со своими противниками, начинают на известной стадии своего развития стремиться обеспечить себе политическое влияние, а затем и господство, то ясно, что политический строй... далеко не безразличное условие для их развития. А если видим, кроме того, что ни один класс, добившийся политического господства, не имеет причин раскаиваться в своем интересе в „политике“, если, напротив, каждый из них достигал высшей кульминационной точки своего развития лишь после того, как он приобретал политическое господство, то мы должны признавать, что политическая борьба представляет собою такое средство социального переустройства, годность которого доказана историей»¹⁰⁴.

Политическая власть в руках господствующего класса на различных исторических этапах общественного развития может выступать в качестве могучего орудия прогресса или реакции. Сама логика событий обуславливает политическую борьбу и захват государственной власти. Плеханов раскрывает ступени и пути

¹⁰¹ См.: Там же.

¹⁰³ Там же. С. 101.

¹⁰² Там же. С. 81–82.

¹⁰⁴ Там же. С. 80.

постепенного осознания угнетенным классом роли политической борьбы в своем экономическом освобождении. Осознав это, рабочий класс понимает, «какая связь существует между обществом и государством, и не апеллирует на притеснения своих эксплуататоров к тем, кто представляет собою политический орган той же эксплуатации. Он знает, что государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его притеснителям, крепость, которой можно и должно овладеть, которую можно и должно перестроить в интересах своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет»¹⁰⁵. Плеханов приходит к выводу о том, что это путь длительной и суровой борьбы, что революция является только последним актом в длительной классовой борьбе, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку делается политической борьбой¹⁰⁶.

В 1894 г. вышла брошюра Плеханова «Анархизм и социализм». Эта работа, написанная и изданная на немецком языке, была очень популярна среди западноевропейской социал-демократии. В книге дается историческое развитие анархистской доктрины, изложение взглядов Штирнера, Прудона, Бакунина. Эту часть работы высоко ценил В. И. Ленин¹⁰⁷.

Эта работа Плеханова выявила социально-классовые и экономические причины анархизма, имела большое значение для разоблачения реакционного движения в среде социал-демократии. Вслед за Марксом, который подверг критике идейные позиции Штирнера и Прудона в работах «Святое семейство», «Нищета философии», «Немецкая идеология» и др., Плеханов верно определил истоки прудонизма как «раздробленное мелкое производство». Плеханов не без основания считал, что свою теорию Прудон построил на заимствовании идеи Сен-Симона, в которой «цель социальной организации есть производство, а следовательно, политическая нация должна свестись к политической экономии, искусство «править людьми» должно уступить место искусству «управлять вещами». На основе этой идеи, а также созданной Прудоном «конституции стоимости» была построена «анархия». А между тем, замечает Плеханов, Сен-Симон «первый в ужасе от-

шатнулся бы от того, что сделал из его политической теории социалистический мелкий буржуа»¹⁰⁸. Только марксизм, указывал Плеханов, сумел должным образом развить теорию Сен-Симона. «Объясняя историческое происхождение государства, он (научный социализм.— Н. П.) именно этим указывает на условия его грядущего исчезновения»¹⁰⁹.

Двойственность, эклектичность концепции Прудона Плеханов видел в том, что, с одной стороны, Прудон стремится «навсегда разрушить» государство, а с другой стороны, «в теории вновь созидает государство, едва успев его «разрушить». На месте одного большого государства возникает множество мелких; вместо одной большой «фикции» — много маленьких¹¹⁰.

Анализируя философские построения Прудона, Г. В. Плеханов делает вывод о том, что «в конце концов анархия превращается в „федерализм“, где успех революционных действий достигается труднее, чем в „централизованном государстве“». Именно этим и заканчивается «всеобщая идея революции» Прудона¹¹¹.

Показав различия во взглядах Штирнера и Прудона, с одной стороны, и Бакунина — с другой, Плеханов выявил и их идеологическое родство. Он доказал, что индивидуализм Штирнера и Прудона коренным образом противоположен научному социализму, разработанному Марксом. Показывая, что с развитием рабочего движения индивидуализм не мог стать «выражением этого движения»¹¹², Плеханов тем самым вскрыл причину, побуждающую сторонников этой теории «укрываться под защиту „коллективизма“». И среди них самым выдающимся был Бакунин¹¹³. Плеханов называл его утопистом вдвойне по сравнению с Прудоном, так как «его программа лишь утопия свободы, прицепленная к „утопии равенства“»¹¹⁴.

Сопоставляя взгляды Бакунина и Прудона, Плеханов пришел к выводу, что Бакунин сходил с Прудоном во всем, что касалось «отрицания» государства и коммунизма, но к этому он добавлял еще и отрицание наследственной собственности.

В разделе «Эпигоны» Плеханов подверг критике теорию общественного развития другого представителя

¹⁰⁵ Там же. С. 83.

¹⁰⁶ См.: Там же. С. 83.

¹⁰⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 103.

¹⁰⁸ Плеханов Г. В. Соч. Т. 4.

С. 206.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же. С. 207.

¹¹³ См.: Там же. С. 208.

¹¹⁴ Там же. С. 210.

анархизма — П. Кропоткина. Он считал Кропоткина одним из активных защитников тактики «пропаганды действием». Критически анализируя анархическую теорию Кропоткина, Плеханов вскрыл теоретическую несостоятельность его попыток обосновать необходимость уничтожения государства, попыток образования некой народной организации, которая будет призвана бороться с антиобщественными элементами в будущем обществе путем насилия¹¹⁵. Касаясь его позиций в вопросе о государстве, критикуя требование анархистов об уничтожении всякого государства, Плеханов сосредоточивал свое внимание на проблеме отмирания государства при коммунизме. Он считал верным положение научного социализма о том, что государство отомрет вместе с классами.

Вопрос об отношении пролетарской революции к государству Плеханов в вышеуказанных работах не затронул, хотя был прекрасно знаком с работой К. Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта», где говорилось о необходимости пролетариату сломать, разбить буржуазную государственную машину и создать свой собственный государственный аппарат — государство диктатуры пролетариата. Указав на этот недостаток, В. И. Ленин писал, что «говорить об „анархизме и социализме“, обходя весь вопрос о государстве, *не замечая* всего развития марксизма до и после Коммуны, это значило неминуемо скатываться к оппортунизму»¹¹⁶.

Без раскрытия этого важнейшего положения критика анархизма была крайне односторонней. Односторонность позиции Плеханова была не случайна. Плеханов, как отметил в своей работе Б. А. Чагин, при опубликовании своей брошюры в определенной мере посчитался с мнением К. Каутского и других «ортодоксов», которые в этих вопросах отошли от марксизма¹¹⁷. Классовый характер государства признавался Каутским лишь постольку, поскольку оно использовалось правящими классами в их интересах, но не в связи с общественной природой и происхождением государства. Назначение государства, по его мнению, состоит в выполнении общественных функций. А отсюда, естест-

¹¹⁵ См.: Там же. С. 227.

¹¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 104.

¹¹⁷ См.: Чагин Б. А. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 104.

венно, вытекал оппортунистический вывод: борьба против современного государства — это анархизм и задача социал-демократии состоит в том, чтобы завоевать это государство.

4. КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Конец XIX — начало XX в. — эпоха распространения идеологии марксизма; период, когда она становится орудием классовой борьбы пролетариата. Именно в это время в международном рабочем движении возникают разного рода попытки ревизии марксизма. Большой исторической заслугой Плеханова явилась критика ревизионизма, его идейных вдохновителей Э. Бернштейна и П. Струве.

В 1899 г. отдельной книгой вышли статьи Эд. Бернштейна под названием «Предпосылки социализма и задача социал-демократии», ставшие первой формой международного ревизионизма империалистической эпохи. Бернштейн призывал повернуть социалистическое движение к политике буржуазного реформаторства и отказаться от революционной сути марксистского учения. В его настроениях «отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность», — писал В. И. Ленин о сущности бернштейнианства, — отрицался факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным само понятие „конечной цели“ и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась теория классовой борьбы, неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства и т. д.»¹¹⁸.

Важнейшее методологическое значение для критики ревизионистских извращений марксизма имеет ленинский анализ социальных причин отступления от теории революционного марксизма. Одним из условий возникновения оппортунизма и ревизионизма является быстрый рост рабочего движения, в которое включают-

¹¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 7.

ся новые слои трудящихся, приносящие с собой «шатания» в области теории и тактики. Вторым условием В. И. Ленин считал неодинаковые темпы развития капитализма в различных странах и в разных сферах общественной жизни. Третьим условием он считал идейное влияние буржуазии на рабочий класс. Четвертым — подкуп верхушки рабочего класса и т. д.

В зависимости от тех или иных социальных условий в рабочем движении возникают различные формы отступления от марксистской идеологии, такие, как ревизионизм, оппортунизм, реформизм, с одной стороны, анархо-синдикализм и анархо-социализм — с другой.

Еще в 1894 г. Ленин развернул непримиримую борьбу с различными формами ревизионизма в России. В 1895 г. он опубликовал работу «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Струвизм явился своего рода предшественником бернштейнианства. Борясь против него и «легального марксизма», Ленин боролся против международного оппортунизма, ревизионизма. Своей борьбой В. И. Ленин вдохновил Плеханова к выступлению против Бернштейна.

Плеханов в период сотрудничества в «Искре» выступил с известной статьей «Критика наших критиков» (1901), направленной в защиту марксизма. Используя большой фактический материал, он резко критикует струвистский ревизионизм основных положений марксизма. При этом была разбита попытка Струве подменить марксову теорию общественного развития, теорию революции буржуазной теорией социальных реформ.

Бернштейн и Струве выступали прежде всего против теории социальной революции. Подвергая нападкам диалектический метод Маркса, они пытались отыскать «ошибки» в его представлениях относительно возможных сроков наступления социалистического переворота. В ответ на эти попытки принизить революционную теорию Маркса Плеханов заявил, что «общественная эволюция совсем не исключает социальных революций, которые являются ее моментами. Новое общество развивается „в недрах старого“, но, когда наступает время „родов“, тогда медленный ход развития обрывается и тогда „старый порядок“ перестает заключать новый в своих „недрах“ по той простой причине, что он исчезает вместе со своими „недрами“»¹¹⁹.

¹¹⁹ Плеханов Г. В. Избранные филос. произведения. Т. 2. С. 612.

Основываясь на каптовском принципе постепенности, Струве ставил под сомнение скачкообразный характер общественного развития и на этом основании делал вывод о невозможности социальной революции. Известное положение о том, что «природа не делает скачков», он дополнил своим собственным — «интеллект не терпит скачков». Отвечая на эти псевдотеоретические доводы, Плеханов писал: «Если понятие „социальная революция“ несостоятельно потому, что природа скачков не делает, а интеллект их не терпит, то очевидно, что эти решительные доводы должны в одинаковой мере относиться как к революции буржуазии, так и к революции пролетариата. А если революция буржуазии давно уже совершилась, несмотря на то что скачки „невозможны“, а изменения „непрерывны“, то у нас есть все основания думать, что в свое время совершится и революция пролетариата...»¹²⁰.

Г. В. Плеханов подверг резкой критике положение Струве о том, будто в теории Маркса все вращается вокруг противоречия между имущественными отношениями данного общества и его правом. В действительности же у Маркса идет речь о противоречии между производительными силами общества и его производственными отношениями. Именно противоречие производительных сил общественным отношениям производства составляет главную пружину общественного развития. Толкуя о противоречиях между правом и хозяйством, П. Струве стремился тем самым подорвать теоретическую основу марксистского учения о диктатуре пролетариата и о «политической революции», необходимой для социального освобождения этого класса.

Плеханов показал неправильность тезиса П. Струве, будто в марксистской теории понятие совокупности производственных отношений данного общества покрывается понятием совокупности конкретных правовых отношений. Плеханов приводит следующие три аргумента: а) взаимные отношения производителей на современном капиталистическом предприятии представляют собой общественные отношения производства, но эти взаимные отношения в процессе производства не составляют никакого правового отношения между ними. Правовое отношение существует между производителями и их нанимателем; б) стоимость, по Марксу,

¹²⁰ Там же. С. 604.

есть общественное отношение производства. Но понятие о стоимости совсем не покрывается понятием о правовых отношениях людей, вступающих в меновые сделки друг с другом; в) конкуренция есть производственное отношение, свойственное буржуазному обществу. Она порождает многие правовые отношения. Но понятие о ней вовсе не покрывается понятием об этих правовых отношениях¹²¹.

П. Струве, соглашаясь с тем, что Маркс считал коренным то противоречие, которое неизбежно возникает в прогрессирующем обществе между производительными силами, с одной стороны, имущественными отношениями — с другой, затем приписал Марксу такое представление о социальной революции, по которому она сводится к «могучему столкновению хозяйства с правом». Г. В. Плеханов ставит вопрос: «Спрашивается, на каком же основании г. П. Струве утверждает... что Маркс представлял себе устранение капиталистических производственных отношений как могучее столкновение между хозяйством и правом? Разве это второе столкновение тождественно по своему смыслу с первым? Разве противоречие производительных сил общества его имущественным отношениям имеет совершенно такое же значение, как и противоречие между хозяйством и правом?»¹²² Поскольку слово «хозяйство» у Струве имеет тот же самый смысл, что и термин «хозяйственный (например, капиталистический) порядок» или термин «производственные отношения», то отсюда можно сделать вывод, что у Маркса говорится о столкновении между имущественными отношениями и правом. Ведь производственные отношения — или хозяйственный порядок, или экономическая структура, — на юридическом языке называются имущественными отношениями. На это указывал сам Маркс. Здесь же Плеханов вносит уточнение. По Марксу, только известная часть производственных отношений составляет то, что юрист назвал бы имущественными отношениями. В дальнейшем Г. В. Плеханов показывает, почему термин «имущественные отношения» неприменим ко всей совокупности производственных отношений.

П. Струве, толкуя о противоречии производственных отношений и права, стремился «опрокинуть» тео-

¹²¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. М., 1923, Т. 11, С. 170.

¹²² Там же С. 149.

рию Маркса указанием на то, что между правом и имущественными отношениями (экономической структурой), или, на языке Струве, «хозяйством», существенного противоречия быть не может. Но ведь Маркс говорил о противоречии между производительными силами и имущественными отношениями. Между тем Струве твердит: «То, что, по примеру Маркса, называется отношениями производства, логически и исторически уже включает в себе правовое регулирование имущественных отношений. Уже по одному этому логически невозможно, оставаясь на марксовой точке зрения, говорить о противоречивом развитии производственных отношений и правового порядка»¹²³.

Ни сам Маркс, ни кто-либо из его «ортодоксальных последователей» никогда не говорили, будто коренные изменения общественного строя вызываются противоречиями между хозяйством и правом. Маркс учил, что социальные революции готовятся и делаются неизбежными только благодаря противоречию между производительными силами общества и теми его имущественными отношениями, на основе которых держится свойственное этому обществу право. С возникновением такого противоречия начинается эпоха коренного общественного переустройства. Поэтому рассуждения Струве о противоречии между хозяйственными явлениями и правовыми учреждениями и о приспособлении права к хозяйству бессодержательны и запутанны.

Но П. Струве, игнорируя противоречие между производительными силами общества и его имущественными отношениями, которое является коренной причиной социальных революций, утверждал, будто собственная теория Маркса, будучи правильно понята, не оставляет места для социальной революции, а предполагает «постоянную приспособленность права к хозяйству, как нормальную форму их сосуществования». «Критик» Струве навязал Марксу «противоречие между правом и хозяйством». Между тем, говорит Г. В. Плеханов, мы не знаем ни одного такого сочинения Маркса и Энгельса, которое давало хотя бы чисто внешний, хотя бы только словесный повод истолковывать марксову теорию общественного развития в том виде, в каком истолковал ее Струве. Исключение со-

¹²³ Там же. С. 152.

ставляет брошюра Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». Допустим, говорит Г. В. Плеханов, что навязанное Марксу противоречие надо понимать в другом смысле, а именно в смысле противоречия между хозяйственными явлениями, понятие которых не покрывается понятием «хозяйство», и правовыми учреждениями данного общества. Не выйдет ли тогда, что Струве говорит то же самое, что и Энгельс? На первый взгляд может показаться, что это так. Однако при ближайшем рассмотрении дело принимает другой вид. «Организация труда в мастерской,— пишет Г. В. Плеханов,— несомненно, есть хозяйственное явление. Но это хозяйственное явление противоречит не праву, а другим хозяйственным же явлениям, именно тем имущественным отношениям буржуазного общества, которые составляют „реальный базис“ буржуазного права»¹²⁴.

К. Маркс установил различие между надстройкой и базисом. Под надстройкой он понимал правовые и политические отношения, возникающие на основе данной экономической структуры, или данных имущественных отношений. Следовательно, право есть надстройка, а производственные отношения — базис общества. Г. В. Плеханов заключает: «Отождествлять этот реальный базис с возвышающейся над ним „юридической надстройкой“ — значит излагать теорию кого-то другого, а не Карла Маркса»¹²⁵. Ясно, что и Энгельс имеет в виду вовсе не противоречие между «правом» и «хозяйством». «Если бы сущность так называемого социального вопроса заключалась в несоответствии буржуазного права буржуазному хозяйству, то об исторической необходимости общественного переворота могли бы говорить только люди, страдающие буйным умопомешательством. При таком отрадном положении дел теоретики-юристы и толковые практики из мира деловой буржуазии без труда открывали бы, в каком именно месте башмак жмет, по немецкому выражению, ногу, и господам буржуа стоило бы только сердито поворчать и угрожающе нахмуриться, чтобы их парламентские представители немедленно придали башмаку новую форму»¹²⁶.

Приведенный Г. В. Плехановым пример дал ему повод для постановки еще одного крайне важного во-

¹²⁴ Там же. С. 161.

¹²⁶ Там же. С. 162.

¹²⁵ Там же.

проса из области методологии права. Последует ли за обострением противоречий между отжившей правовой нормой и новой общественной потребностью обострение борьбы между защитниками старой нормы и ее противниками? Плеханов говорит, что в незначительных случаях, в мелочах, подобных законодательству об акционерных обществах, он охотно допускает, что обострение указанного противоречия может сопровождаться в иных случаях даже ослаблением общественной борьбы, т. е. притуплением противоречия между борющимися. «Хотя надо заметить,— делает тут же оговорку Плеханов,— что это не более как предположение, которое надо еще доказать и которое мы принимаем просто из любезности к г. П. Струве»¹²⁷. Но подобного явления никоим образом не может быть там, где речь идет не о мелочах, а об общественных переворотах, затрагивающих коренную основу права: экономическую структуру, имущественные отношения.

В тех же статьях Плеханов убедительно опровергает основные положения ревизионизма по вопросу о диктатуре пролетариата, теоретические выводы П. Струве о притуплении противоречий и классовой борьбы в капиталистическом обществе. Статьи Плеханова против Струве представляют собой глубоко обоснованное марксистское исследование, в котором рассмотрены многие аспекты классовой борьбы, дана исчерпывающая критика «теории притупления» классовых противоречий.

В. И. Ленин высоко оценил выступления Плеханова против ревизионизма. В статье «Марксизм и ревизионизм» он писал: «Единственным марксистом в международном социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов»¹²⁸.

В работах Плеханова 1895—1903 гг. не только защищается марксизм от нападок со стороны разного рода «критиков», но и разъясняется марксистское учение о диктатуре пролетариата. В открытом письме К. Каутскому «За что нам его благодарить?» и других работах Плеханов критикует попытки Бернштейна атаковать теорию научного социализма. «И напрасно

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 20.

Бернштейн,— пишет Плеханов,— пугает революционеров тем соображением, что классовая диктатура явилась бы признаком более низкой культуры. Великий общественный вопрос нашего времени, вопрос об уничтожении экономической эксплуатации человека человеком, может быть решен, как решались великие общественные вопросы прежнего времени,— только силой. Правда, сила еще не значит насилие: насилие есть лишь одна из форм проявления силы. Но выбор той формы, в которой пролетариату придется проявить свою революционную силу, зависит не от его доброй воли, а от обстоятельств. Та форма лучше, которая вернее и скорее ведет к победе над неприятелем»¹²⁹.

По мнению Плеханова, пролетариат может идти к власти лишь через революцию. Но вместе с тем он отмечал, что применение насилия в ходе революции будет зависеть от поведения эксплуататорских классов.

Плеханов видел различие между буржуазной и пролетарской революциями в том, что первая совершается в пользу меньшинства, а вторая, устраняя эксплуатацию человека человеком, преследует интересы огромного большинства человеческого общества. «Вот почему,— пишет Плеханов,— победа пролетариата будет в то же время осуществлением самого высшего из всех тех нравственных идеалов, до которых додумалось цивилизованное человечество»¹³⁰.

Мысль о насильственной стороне диктатуры пролетариата вполне определенно высказана Плехановым в Предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии». Пролетариат, писал он, применяет диктатуру «для защиты своих интересов и для прямого или косвенного подавления всех тех общественных движений, которые нарушают эти интересы». Степень насилия пролетариата над буржуазией Плеханов ставил в зависимость от сопротивления буржуазии¹³¹.

Плеханов указывал на возможность двух путей свершения революции — мирного и насильственного. «В программу политического воспитания рабочих,— писал он,— непременно должно войти усвоение ими

¹²⁹ Плеханов Г. В. Избранные филос. произведения. Т. 2. С. 393—394.

¹³⁰ Плеханов Г. В. Соч. Т. 7. С. 64.

¹³¹ См.: Плеханов Г. В. Избранные филос. произведения. Т. 2. С. 495; Т. 4. С. 64.

идеи будущего политического господства их класса, каким бы путем ни привела их к нему история: насильственным или мирным»¹³². И если бы «„насильственная революция“ оказалась в данной стране и при данных обстоятельствах наиболее целесообразным действием, то жалким доктринером, если не изменником, оказался бы тот, кто выставил бы против нее принципиальные соображения вроде тех, которые мы встречаем у г. Бернштейна: „низкая культура“, „политический атавизм“ и т. п.»¹³³

Эти положения актуальны и в наше время, когда теоретически и практически доказана возможность мирного или относительно мирного, ненасильственного установления диктатуры пролетариата при наличии благоприятных внутренних и международных условий.

Подвергая всесторонней критике взгляды Бернштейна, Струве и других ревизионистов, Плеханов четко поставил вопрос об исторической неизбежности установления пролетариатом своей власти. «Называть фразой указание рабочим на необходимость диктатуры их класса может только тот, кто утратил всякое представление об „окончательной цели“ и думает лишь о „движении“... в сторону буржуазного социализма»¹³⁴, — писал Плеханов в ответ на подмену Бернштейном тезиса Маркса о диктатуре пролетариата буржуазным парламентаризмом.

Следует подчеркнуть, что Г. В. Плеханов первым в международной социал-демократии выступил в защиту идеи Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата от ревизионизма Бернштейна. В «Предисловии ко второму русскому изданию Коммунистического манифеста», вышедшем в Женеве в 1900 г., и в статье «Кант против Канта, или Духовное завещание г. Бернштейна», опубликованной в № 2 за 1901 г. заграничного («искровского») журнала «Заря», Г. В. Плеханов писал, что, отрекшись от марксистского учения о классовой борьбе, Бернштейн неминуемо должен был отречься и от учения о диктатуре пролетариата, так как «это учение не оставляет никакого места для «взаимного сближения» пролетариата и буржуазии.

Г. В. Плеханов отверг рассуждения Бернштейна о том, что парламентская борьба несовместима со

¹³² Плеханов Г. В. Соч. Т. 12. С. 228.

¹³³ Плеханов Г. В. Избранные филос. произведения. Т. 2. С. 394.

¹³⁴ Там же. Т. 1. С. 496.

стремлением пролетариата к диктатуре и что, следовательно, социал-демократия в условиях парламентаризма не должна бороться за диктатуру пролетариата. Парламентская, как и любая другая демократическая, борьба социал-демократов, отвечал Плеханов Бернштейну, «не противоречит диктатуре пролетариата», а, наоборот, подготавливает для нее политические и духовные предпосылки. Г. В. Плеханов отверг также измышления Бернштейна о том, что буржуазная демократия будто бы уничтожает классовое господство и ведет к прекращению классовой борьбы. Это выдумка Бернштейна, заявил Плеханов вслед за Ф. Энгельсом, «никакая демократическая конституция в буржуазном обществе не в силах предотвратить обострение классовой борьбы, которое может сделать неизбежными революционный взрыв и революционную диктатуру»¹³⁵.

Анализируя экономическое и политическое развитие России конца XIX в., Плеханов в работе «Наши разногласия» высказал мысль о том, что в России приближается буржуазно-демократическая революция, вслед за которой через определенный промежуток времени последует социалистическая революция¹³⁶. Чем «более развиты производительные силы общества, — писал Плеханов, — тем опаснее становится для него их полное применение. И это противоречие не может быть устранено до тех пор, пока продолжают существовать буржуазные имущественные отношения. Для его устранения необходима социальная революция, которая разрушит буржуазные имущественные отношения и заменит их социалистическими, имеющими совершенно другой характер»¹³⁷. Там же Плеханов отмечает, что диктатура пролетариата — это не диктатура группы революционеров, а диктатура всего класса. В этой связи он ставит вопрос о том, что во главе политического переворота должна стоять революционная партия, а не группа заговорщиков. Критикуя позиции русских бланкистов¹³⁸, Плеханов писал, что их внимание сосредоточено прежде всего на заговоре с целью захвата власти. Они не считаются с историей, не стре-

¹³⁵ Там же. Т. 2. С. 393, 495, 496.

¹³⁶ См.: Плеханов Г. В. Избранные филос. произв. Т. 1. С. 224–225.

¹³⁷ Там же. Т. 2. С. 522–523.

¹³⁸ Русскими бланкистами Плеханов называл лидеров партии «Народная воля» во главе с Тихомировым.

мятся понять ее законы и направить сообразно с ними свою революционную деятельность, они просто заменяют историческое развитие своей конспираторской сноровкой¹³⁹.

Первоочередной задачей пролетариата и ближайшей целью социалистической революции Плеханов считал установление диктатуры пролетариата¹⁴⁰, которая необходима для подавления сопротивления буржуазии.

Однако, правильно полагая, что диктатура пролетариата исторически неизбежна, Плеханов в то же время находил возможным установление и функционирование этой диктатуры без слома буржуазной государственной машины, путем лишь ее захвата, видоизменения и использования для своих целей¹⁴¹. Следовательно, насильственная функция диктатуры пролетариата по отношению к буржуазии и другим реакционным элементам, по логике Плеханова, должна осуществляться с помощью рычагов старой, буржуазной государственной машины. Этот вывод противоречит взглядам основоположников марксизма на отношение пролетарской революции к государству.

Таким образом, решение вопроса о насильственной стороне диктатуры пролетариата Плеханов не довел до логического конца. С точки зрения научного социализма пролетариат может успешно преодолеть сопротивление свергнутой буржуазии лишь при условии, если он, утверждая свою классовую диктатуру, ломает государственную машину и создает новую, пролетарскую машину государственной власти¹⁴².

В вопросе о построении нового общества Плеханов не смог предвидеть союз рабочего класса с беднейшими непролетарскими массами. Он полагал, что диктатура пролетариата устанавливается рабочим классом без поддержки союзников; буржуазия не может войти в союз с рабочим классом, потому что он силой устраняет ее с политической арены. А крестьянские массы, как представители частнособственнического класса, также выступают против последовательных социалисти-

¹³⁹ См.: Плеханов Г. В. Избранные филос. произведения. Т. 1. С. 127.

¹⁴⁰ См.: Там же. С. 115–368.

¹⁴¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 2. С. 19.

¹⁴² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 546, 561; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 26–28.

ческих преобразований общества. «Мелкие земельные собственники,— говорил он,— окажут сильное сопротивление социалистическим тенденциям рабочей партии»¹⁴³.

Плеханов правильно определил диктатуру пролетариата как орудие политической власти пролетариата, но в то же время сузил социальную базу, исключив сотрудничество рабочего класса с непролетарскими слоями трудящихся, союз с бедным и средним крестьянством.

Под диктатурой пролетариата Плеханов понимал такую политическую власть, которая сделает пролетариат господином положения и даст ему возможность подавить всякое сопротивление эксплуататоров.

Вслед за Марксом и Энгельсом Плеханов отмечает, что захват власти рабочим классом составит лишь предварительное условие построения нового общества. Он правильно указывал, что «экономическое освобождение рабочего класса будет достигнуто лишь путем перехода в коллективную собственность трудящихся всех средств и продуктов производства...»¹⁴⁴

В работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов рассматривал диктатуру пролетариата как рычаг, с помощью которого рабочий класс совершит общественный переворот, необходимый для его благосостояния и развития. Он определил задачи диктатуры рабочего класса так: «Понявший условия своего освобождения и созревший для него пролетариат возьмет государственную власть в свои руки, с тем чтобы, покончивши со своими врагами, устроить общественную жизнь на началах не анархии, конечно, которая принесла бы ему новые бедствия, но пан-архии, которая дала бы возможность непосредственного участия в освобождении и решении общественных дел всем взрослым членам общества»¹⁴⁵.

Подчеркивая созидательный характер диктатуры пролетариата, Плеханов в той же работе отмечал, что диктатура пролетариата — первый акт социальной революции, признак ее. Задача диктатуры пролетариата не только разрушение политического господства буржуазии, но и организация социально-политической жизни.

¹⁴³ Плеханов Г. В. Соч. Т. 2. С. 348.

¹⁴⁴ Там же. С. 357.

¹⁴⁵ Там же. С. 77.

О диктатуре пролетариата Плеханов писал и в других своих работах этого периода. В рецензии на публикации в журналах «Свобода» и «Самоуправление» (1888), в статье «Буржуа прежних времен» (1893) говорится, что к диктатуре пролетариата сводятся политические задачи рабочего класса как к средству социалистической организации общества.

Известно, в меньшевистский период Плеханов встал на позиции оппортунизма. Однако по некоторым весьма важным теоретическим и политическим вопросам Плеханов продолжал отстаивать марксистские позиции. Даже после разрыва с большевиками Плеханов говорил о необходимости диктатуры пролетариата: «Ревизионисты против того, что называется насильственной революцией, а ортодоксы все более и более проникаются тем убеждением, что без нее не обойдется. Но характер господства — а диктатура и есть господство — не изменяется, по крайней мере, существенно не изменяется от того, каким путем пришли к нему. Все дело в том, что оно необходимо»¹⁴⁶.

Вместе с тем следует отметить, что после 1903 г., с переходом на позиции меньшевизма, взгляды Плеханова на диктатуру пролетариата претерпели существенные изменения. Не отказавшись в принципе от идеи диктатуры пролетариата, он на протяжении всего последнего периода своей жизни пропагандировал взгляды, согласно которым совершить социалистическую революцию и установить пролетарскую диктатуру рабочий класс может только при условии, если будет составлять абсолютное большинство населения в стране. С точки зрения Плеханова, России предстоял длительный период буржуазной конституционности, а социальная революция российского пролетариата отодвигалась на неопределенное время. «В целом же его позиция,— пишет С. В. Тютюкин,— в период первой российской революции носила оппортунистический характер, что нашло прямое проявление и в плехановской трактовке ее характера, движущих сил и перспектив развития, и в тактической линии Плеханова»¹⁴⁷. Но тем не менее Плеханов занимал «особую позицию» среди меньшевиков, «а в организационном отношении

¹⁴⁶ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М.: Наука, 1973. Т. 1. С. 89.

¹⁴⁷ Тютюкин С. В. Первая российская революция и Г. В. Плеханов. М.: Наука, 1981. С. 76.

действительно оставался, по крайней мере с июня 1905 г. до весны 1906 г., вне меньшевистских рядов»¹⁴⁸.

Несмотря на эти тактические ошибки, следует признать, что Плеханов первым из русских марксистов пропагандировал необходимость диктатуры пролетариата как политического господства рабочего класса на переходный период от капитализма к социализму и как орудие построения социализма. Он первым в международной социалистической литературе разоблачил тезис Бернштейна о том, что буржуазная конституционность якобы ведет к уничтожению классов и классовой борьбы, убедительно показав правоту марксистского учения о способности социалистической революции и диктатуры пролетариата положить конец классовым антагонизмам и классовой борьбе.

Вместе с В. И. Лениным Плеханов принимал участие в составлении проекта первой Программы РСДРП и отстаивал его от нападок оппортунистов на II съезде партии в 1903 г. Как и В. И. Ленин, Плеханов считал принципиально важным включение в Программу партии пункта о диктатуре пролетариата, что позднее было подчеркнуто Лениным в одном из выступлений на II Конгрессе Коминтерна¹⁴⁹.

Подводя итоги рассмотрения воззрений Г. В. Плеханова на государство, можно сделать следующие выводы. Анализ Плехановым главного политического института — государства был не всегда равноценным. Сказывалось влияние политической эволюции Плеханова, его переход к меньшевизму. В период с 1883 до 1903 г. он стоял в целом на марксистских позициях, это нашло отражение в его концепции происхождения государства. По вопросу происхождения государства на Востоке Плеханов вслед за Энгельсом на первое место, помимо появления частной собственности, классов и классовой борьбы, выдвигал нужды общественного производства.

В вопросах генезиса русской государственности Плеханов в основном придерживался постулатов «государственной школы», которая составляла главное направление в русской буржуазной исторической науке второй половины XIX в. и характеризовалась рассмот-

¹⁴⁸ Там же. С. 73.

¹⁴⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 248–249.

рением Российского государства как надклассовой силы, которая, действуя в интересах всего общества, по своему усмотрению закрепощает и раскрепощает все сословия, игнорируя роль народных масс в истории.

Не все из положений этой школы были восприняты Плехановым беспрекословно. Он критиковал М. С. Соловьева и В. О. Ключевского, представителей этой школы, по некоторым методологическим проблемам. Плеханов критически подходит к концепции Соловьева, отмечая, что тот недооценил относительное своеобразие московского общественно-политического строя, его значение в развитии государства. Плеханов говорил об относительном своеобразии русского исторического процесса, связанном с влиянием географической среды на экономическое и отчасти политическое развитие страны. В целом не отрицалась Плехановым и роль народных масс, классовой борьбы, являющейся фактором социально-экономических изменений.

Но наиболее марксистскими были взгляды Плеханова на диктатуру пролетариата. Даже после 1903 г. он в принципе не отказался от этой цели, хотя пытался утверждать, что совершить социалистическую революцию и установить диктатуру пролетариата можно только при условии наличия большинства рабочего класса в населении страны.

ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА

1. ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПРАВА

Правовые воззрения Плеханова имеют для нас особое значение. Во-первых, они свидетельствуют о широчайшей эрудиции их автора — неюриста по профессии. Во-вторых, собственно правовые, юридические взгляды Плеханова менее всего освещены в философской, социологической, исторической, экономической литературе, посвященной его творчеству. В-третьих, обращение Плеханова к вопросам права — свидетельство понимания им того, что без учета юридических учреждений картина общественной жизни не может быть представлена сколько-нибудь полно. В-четвертых — как результат последнего — это внимание Плеханова к правовой надстройке должно быть поучительным для современных нам обществоведов-неюристов, которые очень часто недооценивают роль и место правовой системы как неотъемлемого элемента классового общества.

Правовые идеи Плеханова можно подразделить на следующие группы. 1. Наиболее общие представления — философско-социологического порядка — на природу, истоки, место и роль права в целом. 2. Историко-правовые представления. 3. Юрико-отраслевые воззрения, т. е. анализ и оценка определенных юридических институтов, норм, конструкций, учреждений, наконец, трудов по вопросам государства, уголовного, гражданского права и т. д.

Возможна и другая классификация — по отношению Плеханова к а) правовым установлениям в широком смысле, т. е. нормам, отраслям, юридическим органам государства (судебным прежде всего); б) к правовым взглядам народов, классов, социальных групп, правителей, народных масс, отдельных лиц, включая юристов-профессоров.

Однако предпочтительнее первый путь, так как он позволяет исследовать представления Плеханова комп-

лексно — как о правовых нормах и учреждениях, так и о юридических воззрениях той или иной эпохи.

Для анализа взглядов Плеханова на происхождение права исходным пунктом служит его учение о взаимодействии экономического базиса и политической надстройки. В соответствии с пятичленной схемой общественно-исторического развития правовая надстройка возникает как составная часть определенного социально-политического строя, который развивается на данной экономической основе.

Право, как и политика, относится к надстройкам первого порядка. Они в большей степени, нежели философия, искусство и наука, обусловлены уровнем развития производительных сил и производственных отношений. А последние, в свою очередь, испытывают наиболее значительное воздействие со стороны соответствующих политических учреждений и принятых в обществе юридических норм.

Право, взаимодействуя с такими формами общественного сознания, как мораль, философия, религия, представляет самостоятельное идеологическое образование, или, по терминологии Плеханова, идеологию¹. (Здесь необходимо отметить, что в перечне форм общественного сознания Плеханов опускал сознание политическое, что создает существеннейший пробел в его схеме.) Как и идеология в широком значении этого понятия, право имеет относительную самостоятельность и преемственность развития. Можно поэтому говорить о развитии специфических для этой формы общественного сознания правовых понятий, идей и представлений.

Эти положения Плеханова имеют методологическое значение для изучения процессов, происходящих в правовой надстройке, и права, как такового. Нельзя не согласиться с мнением Е. А. Скрипилева о том, что самым важным в правовых воззрениях Плеханова является учение о том, как возникло право и какова его роль в жизни общества². Он показывает наиболее близкую связь права с существующими производствен-

¹ Здесь термин «идеология» понимается Плехановым также в широком смысле.

² См.: Скрипилев Е. А. Правовые воззрения Г. В. Плеханова: (К 100-летию со дня рождения) // Сов. государство и право. 1956. № 10. С. 19.

ными отношениями, зависимость юридических норм от последних.

«Почему отменяются старые нормы и старые обычаи? — спрашивает Плеханов. Потому, что они перестают соответствовать новым „условиям“, т. е. новым фактическим отношениям, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства»³. Но производительные силы растут постепенно. Постепенно растут и новые фактические отношения людей в общественном процессе производства. Поэтому лишь постепенно устаревают старые нормы или обычаи, а следовательно, исчезает и потребность в признании соответствующих юридических норм.

Право в своей общественной функции соотносится с интересами людей, классов, отражая прежде всего экономические интересы. Критикуя Н. М. Коркунова, Плеханов замечает: «Всякая норма положительного права защищает известный интерес. Откуда берутся интересы? Представляют ли они собою продукт человеческой воли и человеческого сознания? Нет, они создаются экономическими отношениями людей... Не сознанием людей вызываются к существованию те интересы, которые право защищает, следовательно, не им определяется содержание права; но состоянием общественного сознания (общественной психологии) в данную эпоху определяется та форма, которую примет в человеческих головах отражение данного интереса»⁴.

Содержание права отражает классовые интересы. Что касается формы права, то она обусловлена структурой общественного сознания конкретного исторического периода. Например, государство закрепляет только такие правовые обычаи, которые служат интересам господствующего класса. Поэтому в условиях классового общества обычаи, санкционированные государством, носят классовый характер. Прецедентная форма права образуется в тех случаях, когда воля класса возводится в закон путем придания нормативной силы решению судебного или административного органа по конкретному делу.

Рассматривая историю права, Плеханов различает в нем форму и содержание. Общинная форма землевладения, например, исчезла под напором возрастаю-

³ Плеханов Г. В. Избранные филос. произведения. М., 1925. Т. 2. С. 256.

⁴ Там же. С. 260.

щего индивидуализма. «Исчезновение ее, — писал Плеханов в работе „Наши разногласия“, — совершалось путем довольно продолжительного процесса приспособления общины к народившимся потребностям в индивидуальной недвижимой собственности. Фактические отношения здесь и везде, опережали юридические: земля, составлявшая собственность целой общины, все дольше и дольше оставалась в руках данного обрабатывавшего ее семейства, пока наконец удлинение сроков переделов не подготовляло почву для полного устранения отживших правовых норм. Причина этого явления очень понятна и легко обнаруживается при сколько-нибудь внимательном изучении процесса индивидуализации недвижимой собственности»⁵. Это высказывание говорит о том, что Плеханов верно фиксирует консерватизм права как формы реальных общественных отношений.

В работе «О материалистическом понимании истории», также рассматривая вопрос о форме и содержании в истории права, Плеханов указывал на влияние других идеологий на право. И это, по его словам, «затрудняет открытие зависимости, существующей между правовыми понятиями людей и их взаимными отношениями в общественном процессе производства»⁶. Это, например, невыгодно сказалось на взглядах М. М. Ковалевского⁷, который в своей работе «Закон и обычай на Кавказе» (1890) рассматривает право как продукт религиозных взглядов. Было бы правильно, считает Плеханов, если бы М. Ковалевский смотрел на религию и право кавказских народов как на продукт их общественных отношений в процессе производства, а выяснив влияние одной идеологии на другую, нашел бы единственную причину этого влияния⁸. Это было бы для него возможно, так как в других своих работах М. Ковалевский в определенной степени признает зависимость правовых норм от способов производства.

Обусловленность права экономическим базисом прослеживается Г. В. Плехановым во многих работах. К примеру, в работе «В защиту экономического мате-

⁵ Там же. С. 250.

⁶ Там же. С. 260.

⁷ Ковалевский М. М. (1851—1916) — русский ученый, историк, юрист.

⁸ См.: Плеханов Г. В. Избранные филос. произведения. Т. 2. С. 261.

риализма», рассматривая взгляды представителей этого направления, Плеханов утверждал, что правовые понятия развиваются не сами собой, а под влиянием производственных отношений. «Правовая идея издавна шла рука об руку с экономической необходимостью», — говорил Родбертус*. Прав ли он был? — спрашивает Плеханов. — Достаточно припомнить хотя бы историю первобытной семьи, чтобы видеть, что он не ошибался. Одно из двух: или правовые учреждения данной страны соответствуют ее экономическим нуждам, или они не соответствуют им⁹. В случае если правовые «учреждения» данной страны соответствуют ее экономическим «нуждам», т. е. господствующему в ней способу производства, отмечал Плеханов, то возникает вопрос: чем вызвано было такое соответствие? В ответ на этот вопрос он отмечает, что целесообразная, т. е. соответствующая способу производства, система положительного права является простым следствием того, что правовые «учреждения», ставшие нецелесообразными, утрачивают свою жизнеспособность и постепенно отмирают или отменяются после упорной борьбы между защитниками старого порядка и его противниками.

Это очень важно, так как Плеханов не только видит «постепенность» в развитии права, но и революционные скачки. «Целесообразные (в указанном смысле) правовые учреждения, — писал далее Плеханов, — составляют необходимое условие существования человеческих обществ. И вот почему эти общества постоянно стремятся к таким целесообразным учреждениям, хотя достигаемое ими равновесие постоянно нарушается вследствие развития производительных сил; каждый новый шаг в развитии этих сил вызывает новое несоответствие между способами производства, с одной стороны, правовыми учреждениями — с другой. Тогда начинается новая борьба между охранителями и прогрессистами, происходит новый переворот в области права и т. д. вплоть до наших дней. Правовая идея всегда и везде идет рука об руку с экономической необходимостью»¹⁰.

* Родбертус-Ягцеов, Карл (1805—1875) — немецкий вульгарный экономист.

⁹ Плеханов Г. В. Соч. М., 1925. Т. 8. С. 198—199.

¹⁰ Там же. С. 199.

В случае же если эта точка зрения неверна и развитие правовых учреждений есть в соответствии с определением Гегеля простое следствие развития правовых понятий, то вопрос о соотношении правовых учреждений и экономических потребностей разрешается лишь при условии существования предустановленной гармонии между развитием правовых понятий, с одной стороны, и развитием экономических отношений — с другой.

Критерием такого соответствия для Плеханова выступает уровень социально-экономического развития страны. С точки зрения экономического материализма, — писал он, — «правовые учреждения данной страны оказываются несоответствующими ее экономике каждый раз, когда новый рост производительных сил ставит людей в новые взаимоотношения; тогда является нужда в пересмотре существующей системы положительного права (частного и общественного); тогда наступает эпоха общественного переворота»¹¹. В действительности этот процесс сложнее: правовые взгляды и понятия, обладая известной автономией, могут опережать данный уровень экономического развития и воздействовать на него.

Плеханов подвергает критике точку зрения, согласно которой правовые понятия могут сами собой воздействовать на ход социально-экономического развития. «На первый взгляд и тут дело кажется простым, — писал Плеханов. — Правовые понятия перестают соответствовать экономике страны по той причине, что они опережают ход развития экономики, или, наоборот, эта последняя опережает ход развития правовых понятий. Если правовые понятия опередили экономику, то она будет рано или поздно переделана сообразно прогрессу понятий, если экономика определила понятие, то новый шаг в развитии этих последних восстановит в ней желанное соответствие»¹².

На примере развития Франции второй половины XVIII в. Плеханов обнаруживает нелепость такой точки зрения.

Правовые «учреждения», рассуждают сторонники «экономического материализма», отстали от понятий значительной части французского населения. И казалось, что причина всех волнений во внутренней жизни

¹¹ Там же. С. 200.

¹² Там же. С. 201.

тогдашней Франции заключалась именно в этой отсталости «учреждений» сравнительно с понятиями и что эти волнения были вызваны именно «ростом понятий». Отсюда делается вывод, что история Франции второй половины XVIII в. вполне подтверждает мысль о самостоятельном развитии человеческой психики. «Но это слишком поспешное умозаключение, — замечает Плеханов. — Не надо забывать, что тогдашним правовым учреждениям Франции противоречили понятия совершенно определенной части французского населения, именно третьего сословия, класса людей, имевшего определенное экономическое положение»¹³.

Критикуя взгляды Альберта Поста¹⁴ на происхождение права из «нужды», Плеханов писал, что это «совершенно в духе новейшей науки права, если бы наш ученый не обнаруживал довольно значительного и очень вредного по своим последствиям смещения понятий»¹⁵.

Как верно считает Плеханов, всякий «социальный союз» стремится выработать такую систему права, которая бы наилучшим образом удовлетворяла его нуждам, была бы наиболее полезна для него в данное время. Но полезность правовых учреждений никоим образом не может зависеть от свойств какой бы то ни было или чьей бы то ни было «идеи»: она зависит от способа производства и от тех взаимных отношений между людьми, которые создаются этим способом. «В этом смысле, — писал Плеханов, — у права нет и не может быть идеальной основы, так как основа его всегда реальна. Но реальная основа всякой данной системы права не исключает идеального отношения к ней со стороны членов данного общества»¹⁶.

Однако в переходные эпохи, когда существующая в обществе система права уже не удовлетворяет его нуждам, выросшим вследствие дальнейшего развития производительных сил, передовая часть населения может и должна создать новую систему учреждений, более соответствующую «духу времени».

Взгляды сторонников «экономического материализма», по мнению Плеханова, исключают «идеальную» основу права, сводя нужды общественного развития

лишь к материальным потребностям. В действительности же эти потребности включают в себя и «идеальное», т. е. выработку определенных идеалов и представлений, которыми люди руководствуются в своей деятельности.

Последовательно и убедительно излагает Плеханов историю возникновения юридических норм.

«Как возникают юридические нормы? — спрашивает он. — Можно сказать, что всякая такая норма представляет собой отмену или видоизменение какой-нибудь старой формы или какого-нибудь старого обычая.

Почему отменяются старые обычаи? Потому, что они перестают соответствовать новым „условиям“, т. е. новым фактическим отношениям, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства. Производительные силы растут лишь постепенно. Поэтому лишь постепенно растут и новые фактические отношения людей в общественном процессе производства. Поэтому лишь постепенно растет и стеснительность старых норм или обычаев, а следовательно, и потребность в признании соответственного юридического выражения новым фактическим (экономическим) отношениям людей»¹⁷.

Первоначально отказ от устаревших норм имеет характер частного случая. Это положение Плеханов иллюстрирует на примере происходящего под влиянием капитализма разложения больших крестьянских семейств в России. «Новый экономический порядок, — писал он, — постепенно укреплялся, старый семейный быт все более и более расшатывался; члены семьи, заинтересованные в его отмене, все выше и выше поднимали голову; раздел все учащался, и, наконец, старый обычай исчезал, уступал место новому обычаю, вызванному новыми условиями, новыми фактическими отношениями, новой экономикой общества»¹⁸. Заинтересованность и сознательное стремление людей к отмене старых учреждений и к установлению нового юридического порядка могут быть, по мнению Плеханова, развиты в большей или меньшей мере¹⁹. «Но сознание все-таки идет за фактическими отношениями. Где слабо сознательное стремление людей к отмене старых учреждений и к установлению нового

¹³ Там же. С. 260.

¹⁴ Пост Альберт (1839—1895) — немецкий этнолог и правовед.

¹⁵ Плеханов Г. В. Соч. Т. 8. С. 201.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 260.

¹⁸ Там же. С. 260—261.

¹⁹ См.: Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Пост Альберт (1839—1895) — немецкий этнолог и правовед.

¹⁵ Плеханов Г. В. Соч. Т. 8. С. 201.

¹⁶ Там же.

юридического порядка, там этот новый порядок еще не вполне подготовлен общественной экономикой»²⁰.

Это положение Г. В. Плеханова нашло подтверждение в высказывании В. И. Ленина по поводу буржуазного требования «свободы промышленности», которое «означает всегда несоответствие между юридическими нормами (отражающими производственные отношения, отжившие уже свой век) и новыми производственными отношениями, которые развились вопреки старым нормам, выросли из них и требуют их отмены»²¹.

Плеханов убедительно раскрывает социально-классовую природу права и правовых взглядов. Возникновение тех или иных юридических норм он связывает с интересами людей и классов. В этой связи важное значение приобретает анализ проблемы интереса общества и класса. «Стремления различных общественных классов определяются их положением, т. е., значит, их интересами. Но так как классовые положения, а следовательно, и классовые интересы различны, то различны и обусловленные ими стремления»²².

Значительный интерес представляют выдвинутые Плехановым положения о роли общественной психологии в процессе формирования и развития права. Неоднократно подчеркивая, что содержание права, защищаемые правом интересы определяются характером экономических отношений и, следовательно, не зависят от сознания людей, он в то же время отмечал, что «состоянием общественного сознания (общественной психологии) в данную эпоху определяется та форма, которую примет в человеческих головах отражение данного интереса. Не приняв в соображение состояние общественного сознания, мы совершенно не могли бы объяснить себе историю права»²³.

2. АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ ПРАВА, КОНСТИТУЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

С анализом вопроса о происхождении права тесно связано рассмотрение Плехановым специфики права

²⁰ Там же.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 420.

²² Плеханов Г. В. Избранные филос. произведения. М., 1958. Т. 4. С. 600.

²³ Плеханов Г. В. Соч. Т. 8. С. 264.

как одной из форм общественного сознания, выделение существенного содержания права в качестве предмета науки, определение понятия права и связанных с ним понятий конституции и законодательства.

Конкретно-исторический анализ права как одной из надстроечных форм позволяет Плеханову различать ее содержание и форму. Содержательная характеристика права предполагает наличие объективно обусловленных интересов определенных классов и групп населения. С другой стороны, право — это система норм, которые представляют собой «продукт человеческой воли и человеческого сознания... Чтобы защищать известный интерес,— отмечал Плеханов,— нужно сознавать его. Поэтому всякую систему положительного права можно и должно рассматривать как продукт сознания»²⁴.

Плеханов соглашается с мнением Н. М. Коркунова, что «право не есть, подобно так называемым физическим, природным силам, нечто существующее помимо действий человека... (здесь Плеханов цитирует Коркунова.— Н. П.). Напротив, это порядок, установленный людьми для себя. Подчиняется ли в своей деятельности человек закону причинности или действует свободно, произвольно — в данном вопросе это безразлично. Как бы то ни было, право по закону причинности и по закону свободы все же создается не помимо, а, напротив, не иначе как через деятельность человека, через его посредство»²⁵.

Трудность установления зависимости существующих между правовыми понятиями людей и их взаимными отношениями в общественном процессе производства состоит в том, считает Плеханов, что на различных стадиях общественного развития господствующая идеология в неодинаковой степени испытывает на себе влияние других идеологий. На примерах из истории древнеегипетского, римского права и новейшей истории Плеханов показывает, что древнеегипетское и отчасти римское право было подчинено религии. В новейшей же истории право развивалось под сильным влиянием философии. «Чтобы устранить влияние религии на право и заменить его своим собственным влиянием, философия должна была выдержать силь-

²⁴ Там же. С. 264.

²⁵ Там же.

ную борьбу. Эта борьба была лишь идеальным отражением общественной борьбы третьего сословия с духовенством, но она тем не менее в огромной степени затрудняла выработку истинных взглядов на происхождение правовых учреждений, так как благодаря ей они оказались явным и несомненным продуктом борьбы отвлеченных понятий»²⁶.

Историю гражданского права Плеханов рассматривает в тесной связи с формированием экономических отношений. Вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом Плеханов выводил историю права из историй промышленности и торговли, т. е. производства и обращения. «Всякий раз, когда развитие промышленности и торговли создавало новые формы общения, например страховые и т. д. компании, право вынуждено было их санкционировать»²⁷. Право собственности порождает известные правила, регулирующие передачу имущества. А переход имущества из рук одного лица в руки другого делает необходимым существование институтов, имеющих «целью нормировать отношения, возникающие между людьми, нуждающимися в определенной гарантии со стороны общества»²⁸.

Здесь необходимо отметить методологическую нечеткость в рассуждении Плеханова: он говорит о гарантиях со стороны «общества», а не государства как организации господствующего в данном обществе класса. В результате право здесь определяется как «совокупность предписаний и правил поведения, к соблюдению которых позволительно обязать человека внешним или физическим принуждением»²⁹.

Достоинство этого определения права состоит в указании на нормативный и принудительный характер права. Вместе с тем здесь не отражено, что право выражает волю определенного класса, экономически и политически господствующего при данной системе общественных отношений. Классово-волевой характер права заключается не только в отражении им данного экономического базиса, но и в активном воздействии на общественные отношения, содействии их закреплению и развитию в интересах господствующего класса.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин не раз указы-

вали на эту сторону права. В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что в капиталистическом обществе право есть лишь возведенная в закон воля буржуазии, как господствующего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни этого класса³⁰.

Плеханов показывал связь правовых понятий с «экономическим бытом» на примерах из истории Древнего Рима, когда древние римские писатели восстали против ростовщичества. «Правовое „убеждение“, — указывал Плеханов, — и здесь шло рука об руку с экономией»³¹.

Всякое общество, подчеркивал Г. В. Плеханов, стремится выработать такую систему права, которая бы наилучшим образом удовлетворяла его нуждам и была наиболее полезна в данное время. «То обстоятельство, — пишет он, — что данная совокупность правовых учреждений полезна или вредна для общества, никоим образом не может зависеть от свойств какой бы то ни было... „идеи“. Они зависят... от тех способов производства и от тех взаимных отношений между людьми, которые создаются этими способами. В этом смысле у права нет и не может быть идеальной основы, так как основа его всегда реальна»³². Но и реальная основа всякой данной системы права, продолжает Г. В. Плеханов, не исключает «идеального отношения» к ней со стороны членов данного общества.

При рассмотрении правовых взглядов Плеханова следует особо выделить трактовку им таких важнейших правовых понятий, как конституция и законодательство.

Следует заметить, что в термин «конституция» он вкладывает широкий смысл и отличает «политическую конституцию»³³ от «социальной конституции». В первом случае речь идет о государственном строе, во втором — об общественном строе. Плеханов говорит: «...политическая конституция всякой данной страны естественно вырастает из социальных условий ее быта»³⁴. При этом соответствие между политическими формами и социальными условиями быта устанавливаются не сразу, так как и условия эти тоже не сразу

²⁶ Плеханов Г. В. Избранные филос. произведения. Т. 2. С. 261.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 64.

²⁸ Плеханов Г. В. Соч. Т. 24. С. 374.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 443.

³¹ Плеханов Г. В. Соч. М., 1925. Т. 7. С. 183.

³² Там же. С. 182.

³³ Там же. М., 1928. Т. 3. С. 233.

³⁴ Там же. С. 233, 240.

принимают совершенно новый вид. В течение известного времени может существовать очень сильное противоречие между конституцией страны и ее социальным бытом. Это противоречие и порождает проявления общественного недовольства, оппозиционные и революционные течения.

«В настоящее время, — отмечал Г. В. Плеханов, — между новыми условиями нашей социальной жизни и нашей конституцией существует противоречие»³⁵. Но попытки реакции удержать за собой прежние позиции обречены на провал. Развитие и торжество капитализма в России неизбежно приведет к гибели царизма и установлению новой политической конституции.

При решении вопроса о конституции в привычном для юристов смысле Г. В. Плеханов отправляется от положений Ф. Лассалья, развитых последним в его речах «О сущности конституции» в самый разгар так называемого «конституционного конфликта» в Пруссии (1862—1866 гг.), которые проникнуты материалистическим духом³⁶. Г. В. Плеханов находит прекрасным выражение Лассалья, что всякая конституция соответствует реальным, фактическим отношениям сил, существующим в стране, и что конституции не составляют исключительную особенность новейшего времени. Новейшее время характеризуется лишь тем, что существующие теперь отношения сил заносятся на бумагу, выражаются в *писаных* конституциях, между тем как прежде в этом не видели надобности³⁷. Г. В. Плеханов говорит, что конституция есть не что иное, как юридическое выражение фактического соотношения сил, существующего в данной стране. Эта конституция может устареть, а потому и плохо выражать это соотношение. Она может также быть неверным выражением действительного соотношения сил с самого своего появления³⁸.

Итак, главный и совершенно правильный с точки зрения марксизма вывод Лассалья, сформулированный им в речи «О сущности конституции», состоит, по словам Г. В. Плеханова, в том, что существенной основой политического устройства каждой данной страны является отношение сил³⁹. Без силы нет и права. Вся-

³⁵ Там же. С. 265.

³⁶ См.: Там же. Т. 6. С. 57.

³⁷ См.: Там же. Т. 4. С. 47.

³⁸ См.: Там же. Т. 15. С. 102—

103.

³⁹ См.: Там же. Т. 5. С. 87.

кая конституция соответствует реальным, фактическим отношениям сил, существующим в стране⁴⁰.

Г. В. Плеханов продолжает изложение взглядов Лассалья по этому вопросу: для того чтобы «*писаная* конституция была хороша и прочна, нужно, чтобы она соответствовала *действительной*, т. е. существующим в стране реальным отношениям силы. Раз нарушено это соответствие, то ее не спасут уже никакие фразы об ее неприкосновенности. Именно в таком положении находилась, по мнению Лассалья, тогдашняя прусская конституция. «Она может измениться вправо или влево, — говорил он, — но уцелеть не может. Это доказывает всякому здравомыслящему человеку самый вопль об ее сохранении. Она может измениться *вправо*, если изменение предпримет правительство, чтобы согласовать писаную конституцию с фактическими условиями *организованной* силы в обществе. Или выступит *неорганизованная* сила общества и снова докажет свое превосходство над организованной. В таком случае конституция будет отменена и изменена *влево*, как в первом случае — вправо. Но во всяком случае она погибла»⁴¹.

Заслуга Лассалья состоит, по словам Г. В. Плеханова, и в следующем: «Лассаль не ограничивается тем выводом, что конституция каждой данной страны служит юридическим выражением существующего в ней соотношения общественных сил. Он старается найти те причины, которыми определяется это соотношение, и находит в общественной экономике»⁴². В этом отношении Лассаль, между прочим, по словам Плеханова, выгодно отличается от Н. Г. Чернышевского⁴³. Лассаль рассуждает так: «В средние века земля была главным источником национального богатства и землевладельческая аристократия, естественно, являлась господствующим сословием. С развитием городов отношения силы изменяются. Горожане поддерживают сначала монархию, которая кладет предел феодальным неурядицам. Но чем более развивается промышленность, тем более растут силы и образование среднего сословия, и оно приходит наконец в столкновение с абсолютной монархией: ...в обществе наступает 18 марта 1848 г. Абсолютная монархия падает, пишет-

⁴⁰ См.: Там же. Т. 2. С. 84.

⁴² Там же. Т. 6. С. 57.

⁴¹ Там же. Т. 4. С. 47—48.

⁴³ См.: Там же.

ся новая конституция, выражающая новые отношения силы и т. д.»⁴⁴

К вопросу о политической и социальной конституции и об их соотношении Г. В. Плеханов возвращается в связи с критикой взглядов Прудона. Сам Прудон касается этой проблемы, но решает ее идеалистически. «Он, — по словам Г. В. Плеханова, — судит о политической истории человечества, как утопист»⁴⁵.

«Прудон критиковал политическую конституцию с точки зрения частного права. Он хотел увековечить частную собственность, а государство, эту опасную „фикцию“, разрушить навсегда. Уже Гизо сказал, что корень политической конституции государства — в господствующих в нем имущественных отношениях. По Прудону же — политическая конституция обязана своим происхождением „человеческому невежеству“, она „выдумана“ лишь за неимением открытой наконец им, Прудоном, лета от Рождества Христова такого-то „социальной организации“»⁴⁶.

Вопрос о политической конституции ставился, как известно, и правильно решался французскими историками времен Реставрации. Они сделали тот важный для общественной науки вывод, что политические конституции коренятся в социальных отношениях, которые, в свою очередь, определяются состоянием собственности⁴⁷.

Основной вывод, к которому приходит Г. В. Плеханов, состоит в том, что «политическая конституция всякой данной страны, естественно, вырастает из социальных условий ее быта»⁴⁸, «коренится в условиях ее социального быта»⁴⁹, «вырастает из ее экономических отношений»⁵⁰. Это материалистическое решение вопроса означает, что изменение специальных условий, изменение экономической основы общества неизбежно влечет за собой изменение политической конституции, политических форм.

Г. В. Плеханов понимает термин «конституция» не в одном лишь юридическом, т. е. узком и привычном для буржуазных юристов, смысле. Он вкладывает в этот термин более глубокое и более широкое содержание, часто говорит о «политической конституции», ко-

⁴⁴ Там же. С. 47—48.

⁴⁵ Там же. С. 204.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См.: Там же. Т. 7. С. 71—83.

⁴⁸ Там же. Т. 3. С. 236.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 237.

торую, как нетрудно убедиться, отождествляет с «политическим строем», «политическим устройством», «политическими учреждениями», «политическими формами»⁵¹. При этом понятие политической конституции Г. В. Плеханов отличает от понятия социальной конституции или социальной организации.

Г. В. Плеханов дает характеристику ряда конституционных актов, в частности якобинской конституции 1793 г. Он говорит, что авторы этой конституции, монтаньяры, представители «черни», выработали самую свободную из всех когда-либо написанных во Франции конституций. «Этой конституцией вводилось прямое народное законодательство и права исполнительной власти были сведены до минимума. Но по указанным внешним и внутренним причинам монтаньяры не имели возможности привести ее в действие»⁵².

В поле зрения Г. В. Плеханова оказался и такой конституционный акт периода Французской буржуазной революции, как «Декларация прав человека и гражданина» 26 августа 1789 г.⁵³ Эта «Декларация вошла в качестве составной (вводной) части во Французскую конституцию 3 сентября 1791 г.

В неоконченной рукописи «Современные задачи русских рабочих» (1885) Г. В. Плеханов дал характеристику буржуазной республики во Франции и Швейцарии. Отличительной особенностью этих государств является наличие в них политической свободы и политических прав. Народу же «живется гораздо лучше в тех странах, где есть политическая свобода»⁵⁴. «Во Франции... совсем нет „государя“: ни царя, ни короля, ни императора. *Франция — республика.* Законы издаются в ней выборные от всего народа, приводят их в исполнение чиновники, из которых высшие, т. е. обладающие самой большой властью, опять-таки выбираются, правда, уже не всем народом, но его выборными. Каждый рабочий, достигший 21 года, имеет право не только выбирать этих выборных, но и быть самому выбранным в народных представители, заседать в законодательном собрании, может быть рядом с тем самым капиталистом, у которого он перед этим работал на фабрике. Кроме того, в той же Фран-

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Т. 4. С. 63.

⁵³ См.: Там же. С. 61.

⁵⁴ Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1934. Сб. 1. С. 162.

ции рабочие имеют право устраивать открытые союзы, собрания, издавать свои книги и газеты. Французская республика есть свободная страна. Швейцарская республика пользуется всеми этими благами в еще большей степени. Там еще больше политической свободы»⁵⁵.

Переходя к России, Г. В. Плеханов писал, что русские рабочие должны «положить конец абсолютной (т. е. неограниченной) монархии». «Нам нужно поскорее завоевать себе политические права и политическую свободу». Далее, Г. В. Плеханов разъясняет: «Эти права и эта свобода должны быть обеспечены законом, и притом так, чтобы те законы, в которых выражаются ваши права и ваши свободы, были самыми главными, основными законами русского государства, чтобы они были меркой, которой мерились бы все другие законы, чтобы не мог быть издан никакой закон, нарушающий ваши права и вашу свободу. Такие основные законы составляют то, что называется конституцией, значит, вам нужно добиваться конституции и требовать, чтобы эта конституция обеспечила ваши права и вашу свободу»⁵⁶. Наконец, в тексте было место, которое сам автор зачеркнул, но которое весьма характерно для всего хода его рассуждений: «...поскорее ограничить власть „Его величества“ властью народных представителей, а то и вовсе покончить с „Государем Императором“ и провозгласить *Российскую Республику*. Но что значит завоевать себе политические права и политическую свободу? Это значит составить из себя такую грозную силу, которой поневоле уступили бы ваши враги...»⁵⁷.

Г. В. Плеханов также объясняет, откуда «пошло» пренебрежение к «политике» в России.

«От социалистов-утопистов» отрицательное отношение к «политике» вообще и к «буржуазной» политической свободе в частности перешло преимущественно через Прудона к Бакунину, а от Бакунина к русским народникам-революционерам. Эти последние были твердо убеждены, что падение абсолютизма, не сопровождаемое «социальной революцией», очень повредило бы интересам русского «народа», так как власть очутилась бы тогда в руках буржуазии. В 1883 г., т. е.

уже после того, как бывшие «чернопередельцы» составили группу «Освобождения труда», Л. Г. Дейч писал товарищам о различиях между группами «Народная воля» и «Черный передел». Первая стояла за деятельность среди городских рабочих и за политическую свободу. Вторая — за сосредоточение всех революционных сил на деятельности преимущественно среди крестьянства и вполне игнорировала вопрос о политической свободе»⁵⁸.

Целью освободительного движения в России должно быть низвержение абсолютизма и создание свободных политических учреждений. Русские социалисты, возглавившие это движение, должны агитировать в пользу демократической конституции, обеспечивающей: 1. Право быть избирателем и избираемым как в законодательное собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом позорные действия к потере политической правоспособности»⁵⁹. 2. Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения. 3. Неприкосновенность личности и жилища граждан. 4. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций. 5. Свободу передвижения и занятий. 6. Полную равноправность всех граждан независимо от религии и племенного происхождения. 7. Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа. 8. Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека»⁶⁰.

В Программе имелся также экономический отдел, т. е. сформулированы ближайшие экономические требования. Вторая программа группы «Освобождение труда» (1887 г.) повторяла основные политические требования первой, но был добавлен пункт: «Всеобщее, светское, даровое и обязательное образование, причем

⁵⁵ См.: Там же. С. 226.

⁵⁶ Здесь в первой программе группы «Освобождение труда» дается примечание: «К числу таких действий могут быть отнесены, например, подкупы при выборах, вопиющие притеснения нанимателем своих работников и т. п.» (Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 8. Ч. 1. С. 51).

⁶⁰ См.: Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 163.

⁵⁷ Там же.

государство должно снабжать бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями»⁶¹.

В первой программе группы «Освобождение труда» — «Программа социал-демократической группы „Освобождение труда“», — выработанной осенью 1883 г., говорилось, что социалистическая революция предоставляет «каждому гражданину реальную возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел». Такое участие «предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее *прямым народным законодательством*»⁶². Также и во втором проекте программы группы «Освобождение труда» (1887 г.) сохранялся пункт о прямом народном законодательстве⁶³. Что же имел в виду Г. В. Плеханов?

В социалистическом государстве, по его мнению, законодательная функция должна осуществляться не представительным парламентом, а всем народом. «Непосредственное участие граждан в заведовании всеми общественными делами, — писал он, — предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее прямым народным законодательством»⁶⁴. Представительная система «была детищем буржуазии, — продолжал свои рассуждения Г. В. Плеханов, — пролетариат требует прямого народного законодательства как единственной политической формы, при которой возможно осуществление его социальных стремлений»⁶⁵.

Это положение Плеханова требует критического анализа. Некоторые исследователи считают его ошибочным⁶⁶. Другие полагают, что «в идее замены представительной системы прямым законодательством народа Плеханов усматривал один из элементов коренного отличия пролетарской диктатуры от диктатуры буржуазии, желая подчеркнуть, что после взятия власти в свои руки пролетариат должен не только управлять государством, но и непосредственно законода-

⁶¹ Там же. С. 78.

⁶² Там же. С. 50.

⁶³ См.: Там же. С. 76.

⁶⁴ Плеханов Г. В. Соч. Т. 2. С. 358.

⁶⁵ Там же. С. 55.

⁶⁶ См.: Сидоров М. И. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 47.

тельствовать, привлекая к этой деятельности и другие слои трудящихся»⁶⁷.

Важные указания для анализа этого положения даны В. И. Лениным, который показал, что в конкретно-исторических условиях царской России тезис Плеханова был ошибочным⁶⁸. «Что касается до вопроса о прямом народном законодательстве, — писал В. И. Ленин, — то нам кажется, что вносить его в программу в настоящее время вовсе не следует»⁶⁹. Народное голосование по законопроектам может при определенных условиях принести известную пользу, но таких условий в России не было, ибо «опасность вырождения» «народного законодательства» в империалистической «плебисцит» была бы у нас особенно сильна⁷⁰.

К референдумам в условиях буржуазной демократии В. И. Ленин вообще относился скептически. Но, опираясь на опыт норвежского народного голосования (1905 г. — референдум по вопросу о выходе из реальной унии «Швеция — Норвегия»), он высказался о возможности при определенных условиях использовать референдум для решения вопроса о самоопределении наций. «Проиграл ли народ? проиграли ли интересы культуры? или интересы демократии? интересы рабочего класса от такого отделения? — спрашивал В. И. Ленин. И отвечал. — Нисколько!... Общность, близость шведского и норвежского народов на деле выиграли от отделения, ибо отделение было разрывом насильственных связей»⁷¹. К оценке каждого референдума в условиях буржуазной демократии В. И. Ленин подходил с учетом конкретно-исторических особенностей и соотношения классовых сил в стране.

Непосредственное участие народа в законодательной деятельности социалистического государства, как считают некоторые советские ученые-юристы⁷², может осуществляться не только в форме всенародного голосования, но и в консультативной форме, т. е. пу-

⁶⁷ См.: Пугилов Н. П. Идея диктатуры пролетариата в трудах Г. В. Плеханова // Сов. государство и право. 1978. № 10. С. 111.

⁶⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 223.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ См.: Там же. С. 223—224.

⁷¹ Там же. Т. 25. С. 69.

⁷² См., напр.: Коток В. Ф. Референдум в системе социалистической демократии. М.: Наука, 1964.

тем всенародного обсуждения законопроектов. Конституция СССР 1977 г. предусматривает, что законы СССР могут быть приняты всенародным голосованием (референдумом), проводимым по решению Верховного Совета СССР (ст. 108). Таким образом, оценка референдума вообще (в том числе Плехановым) требует учета конкретных исторических условий, классовой сущности политического строя.

Вполне естественно, что хотя проект Программы РСДРП в качестве политических требований воспроизводил многое из программы группы «Освобождение труда», но был дополнен рядом новых пунктов. Кроме того, некоторые пункты были даны в иной редакции. Так, относительно избирательного права было сказано: «...всеобщее, равное и прямое избирательное право». Добавлены пункты о свободе стачек, безусловном представлении гражданам права преследовать перед судом чиновников, нарушивших их права или не исполнивших своих обязанностей.

В 1902 г. в комментарии к проекту Программы РСДРП Г. В. Плеханов писал, что в отношении представительной системы и прямого народного законодательства группа «Освобождение труда» находилась под влиянием идей М. Риттингаузена, но что прекрасная работа К. Каутского «*Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Sozialdemokratie*» (1893) заставила ее значительно изменить свой взгляд⁷³. Здесь Г. В. Плеханов имел в виду работу германского социал-демократа М. Риттингаузена (1814–1890) «Прямое законодательство». Г. В. Плеханов в «Комментарии к проекту Программы Российской социал-демократической рабочей партии» (1902 г.), перечислив политические требования этого проекта, писал: «...каждое из этих требований входит как необходимая и незаменимая составная часть в наше требование *демократической конституции*. Мы не станем оскорблять читателя, доказывая ему, как нужна такая конституция рабочему классу...»⁷⁴ Далее он четко решает вопрос о предпочтительности демократической республики перед конституционной монархией. «Не так настоятельно необходимым может показаться с первого взгляда наше требование *республики*. Нам могут указать на

⁷³ См.: Плеханов Г. В. Соч. М., 1924. Т. 12. С. 215.

⁷⁴ Там же. С. 238.

Францию, где *республиканское* правительство расправляется с рабочими несравненно круче, чем правительство *монархической* Англии. Мы и сами знаем, что республика республике рознь и что французскую республику не без основания называют монархией, которой недостает только монарха. Но ведь мы будем проповедовать идеи республики «республиканской»; мы хотим истинно демократической республики, на деле, а не только на бумаге обеспечивающей политическое самодержавие народа. И несомненно, что *такая* республика ближе придвигает нас к нашей конечной цели, чем конституционная монархия, хотя бы и английского образца»⁷⁵. Сославшись на известное высказывание Ф. Энгельса по поводу проекта программы немецкой социал-демократии (демократическая республика есть специфическая форма диктатуры пролетариата), Г. В. Плеханов заключает: «Мы полагаем, что откладывать в долгий ящик всякую формулировку наших республиканских стремлений было бы просто-напросто непрактично. *Да здравствует демократическая республика! Да здравствует народоправство!*»⁷⁶

Как же характеризовал Плеханов существующую в России конституцию? «Наша русская конституция,— писал он,— сводится к тем статьям Свода законов, которые гласят, что царь есть единственный распорядитель всех внутренних и внешних судеб России. Такая конституция не оставляет места для политической самостоятельности граждан, и потому противники ее говорят обыкновенно, что у нас вовсе нет конституции. Но это не точно. Конституция есть у нас, как и везде,— и даже... писаная конституция, занесенная в Свод законов,— да только она не похожа на современные конституции Запада. Откуда произошло это различие? Если политическая конституция всякой данной страны коренится в условиях ее социального быта, отличительные свойства нашей русской конституции должны объясняться особенностями социального быта России»⁷⁷.

В своих «Письмах о тактике и бестактности» Плеханов считает, что действующая конституция «не выражает собою фактического соотношения сил в нынешней России; она является лишь запоздалой попыт-

⁷⁵ Там же. С. 238–239.

⁷⁷ Там же. Т. 3. С. 236.

⁷⁶ Там же. С. 239.

кой бюрократии скрыть это истинное положение»⁷⁸. О том, что конституция в России «из рук вон плоха», полагает Плеханов, пужно довести до сведения тех рабочих и крестьян, у которых остались еще иллюзии. «Достаточно ознакомиться с запросами и требованиями,— пишет Плеханов,— предъявленными к Государственной Думе народной массой, чтобы понять, как еще сильны и прочны в народе иллюзии насчет нынешней нашей конституции. Ведь если он предъявляет к Думе широкие требования, то это происходит единственно потому, что он считает ее обладающей широкими правами, дающими ей возможность удовлетворить его требования»⁷⁹. В то время как «бюрократия» свела на нет права его представителей.

России нужна новая конституция, правильно выражающая соотношение общественных сил, считает Плеханов. Но добиться ее возможно, лишь убедившись в непригодности нынешней. А поэтому не нужно бойкотировать очень ограбленное представительство народа в Думе, а использовать его, ведь «чем меньше опыта будет у русского народа, тем лучше будет для... бюрократии»⁸⁰.

3. ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ПРАВА И ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ШКОЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

В работах «Критика наших критиков», «Современный материализм», «Материалистическое понимание истории», «Н. Г. Чернышевский», «М. Погодин и классовая борьба» и др. Г. В. Плеханов последовательно проводит материалистическую трактовку права, отстаивая марксистское понимание общественно-исторического процесса в борьбе с ревизионизмом и буржуазной юридической наукой.

Интересным представляется отношение Плеханова к различным школам и доктринам: естественно-правовой, исторической и реалистической школам права⁸¹.

Естественно-правовое — одно из широко распростра-

⁷⁸ Там же. Т. 15. С. 104.

⁷⁹ Там же. С. 105.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ См. также: *Иовчук М. Т.* Г. В. Плеханов и его труды по истории философии. М.: Соцэкгиз, 1960.

ненных понятий политической и правовой мысли, обозначающее совокупность принципов, правил, норм, продиктованных «естественной природой человека» или «природой вещей» и тем самым как бы независимых от конкретных, социальных условий и государства, от законодательного признания. В концепциях, требовавших социальных преобразований, существующий порядок отношений и законодательство объявляются несоответствующими естественному праву и справедливости. Напротив, в периоды социально-политической стабильности идеологи господствующего класса видят в действующем праве воплощение справедливого порядка вещей. Поэтому Ф. Энгельс подчеркивал, что естественное право и естественная справедливость представляют собой «идеологизированное, вознесенное на небеса выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны»⁸².

Свою революционную направленность и социальное звучание идея естественного права получила в XVII—XVIII вв. в качестве основного идеологического орудия борьбы прогрессивных сил общества с феодальным строем. Идеологи Просвещения Ж. Руссо, Д. Дидро, К. А. Гельвеций, П. Гольбах, Десницкий, А. Н. Радищев и др. широко использовали идею естественного права для критики феодальных порядков, как противоречащих естественной справедливости.

Плеханов высоко ценил историческую заслугу, революционные естественно-правовые идеи просветителей, апеллировавших к разуму, как высшему критерию прогресса общества, отрицавших на такой основе феодальные политические и правовые институты, как тормозящие дальнейший прогресс. Вместе с тем Плеханов подвергал убедительной критике идеализм воззрений просветителей, их утопичность, подчеркивал буржуазную классовую сущность естественно-правовой идеологии, неразрывно связанной с идеей частной собственности. Последовательную материалистическую оценку естественно-правовых идей можно проследить на примере анализа Плехановым социально-политических и правовых взглядов П. Гольбаха. Нужно указать, что Гольбах сыграл определенную роль в идейной подготовке утопического социализма⁸³.

⁸² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 273.

⁸³ См.: Там же. Т. 2. С. 144—148.

Идеолог революционной французской буржуазии XVIII в. Гольбах — крупнейший систематизатор мировоззрения французских материалистов — критиковал феодальную собственность и феодальные формы эксплуатации, отстаивая необходимость ограничения королевской власти. Опираясь на отвлеченное понятие человеческой природы, Гольбах сводил социальные явления к проявлениям индивидуального, искал объяснения общественных явлений в законах природы человека. Огромный интерес представляет разбор Г. В. Плехановым вопросов морали в произведениях Гольбаха.

По Гольбаху, все нравственные законы вытекают из разума, а разум опирается на природу. «Не трудно угадать, — писал Плеханов, — психологию этого призыва к „природе“». Впрочем, сам Гольбах объясняет в чем дело. «Для того чтобы возложить на нас обязанности, предписать нам законы, без сомнения, необходима власть, имеющая право повелевать нами». «Однако, — продолжает он, — философы XVIII века были в ссоре со всеми традиционными властями. Чтобы выпутаться из этого затруднения, им пришлось обратиться к природе»⁸⁴.

В работе «Политика природы» Гольбах писал: «Человек есть чувствующее, мыслящее и разумное существо. Он создан таким и останется при всех своих заблуждениях; в этом смысле человеческая природа неизменна. Удивительно ли, что моральные и политические законы, продиктованные этой «природою», в свою очередь, окажутся всеобщими, неизменными и ненарушимыми. Эти законы еще не были провозглашены, и следует сознаться, что «слишком часто гражданские законы противоречат законам природы». Но эти испорченные гражданские законы зависят или от «нравственной испорченности, или от заблуждений общества, или от тирании, принуждающей природу подчиняться авторитету. Предоставьте природе заговорить и вы раз навсегда узнаете истину. Заблуждения бесчисленны, истина лишь одна»⁸⁵.

Но далее Гольбах выдвигает идею, в которой Плеханов сразу же усматривает противоречие с предыдущим тезисом; он критикует Гольбаха за органический подход к сущности человеческого общества: «Общест-

ва, как и все естественные тела, подлежат превращениям, изменениям, переворотам; они образуются, растут и распадаются, как все существа. Одни и те же законы не годятся для них во все времена; полезное в одну эпоху окажется бесполезным или вредным в другую»⁸⁶. «Если бы нам были известны элементы, служащие основой темперамента одного человека или многих людей, составляющих народ, то отсюда мы могли бы открыть и необходимые для них законы и полезные им учреждения»⁸⁷.

Но что же в этом случае станет с «общей моралью» и «законосообразной политикой? — спрашивает Плеханов. «Об этом Гольбах не говорит ни слова, но зато с тем большим усердием комментирует все те моральные, политические и социальные законы, которые выводятся из „природы“ человека, как необходимые следствия»⁸⁸.

Плеханов весьма точно определил направленность философии Гольбаха: «из всех этих соображений Гольбах выводит лишь одно следствие. Старые или устаревшие законы (он имеет в виду тогдашнюю Францию) должны быть отменены»⁸⁹.

«В эпоху Гольбаха мать-природа, как в политике, так и морали, руководилась как раз теми законами, которые были на руку французской буржуазии. И это вполне естественно. Ведь тогда третье сословие провозгласило, что оно есть все»⁹⁰.

По мнению Гольбаха, «между обществом и его членами существует нечто вроде молчаливого договора, возобновляемого ежеминутно и имеющего целью обоюдную гарантию прав всех граждан. Из этих прав наиболее священны — свобода, собственность и безопасность»⁹¹. Резко критикует Плеханов внеисторический, внеклассовый подход Гольбаха к проблеме собственности: «Мы знаем, что общество, по Гольбаху, было создано для обеспечения собственности. Но общественный договор имеет в виду только буржуазную собственность и только ее должен иметь в виду. Относительно феодальной собственности общество обязано сделать лишь одно: уничтожить ее в прах»⁹².

Но «не следует, однако, думать, — писал Плеханов, — чтобы антагонизм между буржуазией и дворянством

⁸⁶ Там же. С. 49–50.

⁸⁷ Там же. С. 51.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 50.

⁹⁰ Там же. С. 51.

⁹¹ Там же. С. 52.

⁹² Там же. С. 53.

⁸⁴ Плеханов Г. В. Соч. Т. 8. С. 47.

⁸⁵ Там же. С. 49.

представлялся Гольбаху как отражение борьбы между землевладением и различными родами промышленной собственности. Ничуть не бывало. Гольбах не обнаруживает никакого предпочтения к движимой собственности. Наоборот... „владение землей образует настоящего гражданина“, говорил он⁹³. Плеханов также отмечает антидемократическую суть понимания Гольбахом равенства.

«Для человека, подобного Гольбаху, — отмечал Плеханов, — идея „равенства“ не представляла ничего привлекательного. Она казалась ему скорее очень вредною химерою. Организация людей не одинакова; люди всегда были неравны между собою в физическом, моральном и интеллектуальном отношении»⁹⁴.

Плеханов называл Гольбаха теоретиком буржуазии «до мозга своих костей, до педантизма»⁹⁵. Плеханов вслед за Марксом и Энгельсом убедительно показал несостоятельность теории общественного договора, которую наряду с другими буржуазными теоретиками разделял Гольбах.

Плеханов раскрывает сущность и причины возникновения естественно-правовой теории. Он подчеркивает, что развитие производительных сил во Франции XVIII века чрезвычайно сильно стеснялось устаревшими общественными отношениями производства, архаическими общественными учреждениями. Устранить эти учреждения было безусловно необходимо в интересах дальнейшего развития производительных сил. В их устранении заключался весь смысл тогдашнего общественного движения во Франции.

Другой представитель французского просветительства XVIII в. — Ж. Ж. Руссо использует идею естественного права для критики существовавшего порядка. К. Маркс и Ф. Энгельс относили Руссо к числу немногих диалектиков XVIII в. Работа Руссо «Рассуждение о происхождении неравенства между людьми», по словам Плеханова, явилась блестящей попыткой применения диалектики к анализу причин исторического движения человечества. Плеханов подробно анализирует эту работу Руссо, акцентируя внимание на сильных сторонах трактата.

Руссо утверждал, что основанием неравенства явилась частная собственность, причем имущественное

неравенство породило политическое, закрепленное образованием государства⁹⁶. А возникнув, государство само служит источником неравенства. «Политические учреждения, являющиеся следствием данных отношений собственности, воздействуют на эти отношения, становятся причиной их дальнейших изменений, увеличивают расстояния между богатыми и бедными». Отсюда видно, подчеркивал Плеханов, что Ж. Ж. Руссо прекрасно понимал обратное действие «политики» на лежащую в ее основе «экономику» и превосходно понимал внутреннюю логику политической жизни общества, разделенного на классы⁹⁷.

Плеханову удалось показать сущность учения Руссо о происхождении неравенства между людьми, о появлении государства. Она заключается в том «что равенство, господствовавшее в естественном состоянии, было нарушено, как только человечество сделало несколько значительных шагов на пути развития своих производительных сил. И каждый новый шаг на этом пути вел к новому увеличению неравенства... Антагонизм интересов этих двух классов вызвал возникновение государства. Оно находится в руках имущих, которым и достанутся все выгоды государственного быта. Поэтому государство является новым источником увеличения неравенства между людьми»⁹⁸.

Однако Плеханов либо упускает из виду, либо не находит нужным прокомментировать другой аспект учения Руссо: идеализм идеи «общественного договора»⁹⁹, убежденность Руссо в том, что первоначально возникшее государство было извращением его «благого» назначения, «заговором» богатых против бедных, а также мелкобуржуазную сущность идеала Руссо — эгалитариста, не помышлявшего о полном уничтожении частной собственности. Идеал Руссо — буржуазное «царство разума», которое, по словам Энгельса, потерпело впоследствии полное крушение: вместо свободы — наполеоновский деспотизм, а вместо всеобщее

⁹⁶ См.: Там же. Т. 18. С. 24.

⁹⁷ См.: Там же. С. 25.

⁹⁸ Там же. Т. 18. С. 31–32.

⁹⁹ Уместно привести ленинскую оценку взглядов Руссо по этому вопросу: «Вывод, нашедший себе полное выражение в идее Contrat Social, заключается в том, что «общественные отношения строятся людьми сознательно» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 136).

⁹³ Там же. С. 54.

⁹⁵ Там же. С. 55.

⁹⁴ Там же.

го благоденствия — углубляющаяся противоположность между богатыми и бедными¹⁰⁰.

Отдавая должное просветителям и материалистам XVIII в., Плеханов в то же время на большом историческом материале показал, что до Маркса в понимании истории господствовал идеализм, что все домарксовские материалисты были идеалистами «сверху», т. е. в понимании общественных явлений. Когда французские материалисты XVIII в., говорил Плеханов, переходили от исследования природы к исследованию общественных отношений, они впадали в идеализм. Начинали они как будто правильно: человек есть продукт общественной среды, следовательно, его идеи и мнения определяются этой общественной средой, положением человека в обществе. Но когда вставал вопрос, чем же определяется развитие общественной среды, французские материалисты говорили, что развитие общественной среды определяется мнениями, т. е. идеями. Они не могли решить, что же является конечной причиной общественного развития и апеллировали к «человеческой природе».

Г. В. Плеханов, подвергший критике в целом историческую концепцию французских историков Гизо, Мишье, Тьерри, указал при этом, что они по сравнению с французскими материалистами XVIII в. видели основу гражданского общества в столкновении классовых интересов.

В отличие от доктрины естественного права XVIII в., являвшейся идеологическим оружием революционной буржуазии, историческая школа права отражала позицию апологетов реакционных феодальных порядков. Критический анализ Плехановым основных положений исторической школы права явился важным этапом в развитии марксистской критики буржуазной правовой науки. Вслед за Марксом он проводил последовательный материалистический, классовый анализ взглядов представителей этой школы.

Историческая школа права являлась одним из преобладающих течений в науке права первой половины XIX в. и была особенно влиятельной в Германии. Эта школа выступала в защиту феодальных порядков, против преобразования существующих отношений посредством нового законодательства. Важнейшим источни-

ком права был объявлен обычай, а кодификация отвергалась; право изображалось как результат постепенного развития «народного духа», развитие права сравнивалось с развитием языка.

Маркс писал: «Школа, которая подлость сегодняшнего дня оправдывает подлостью вчерашнего, которая объявляет мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый, унаследованный, исторический кнут; школа, которой история показывает, как бог Израиля своему слуге Моисею, только свое а posteriori, — это историческая школа права изобрела бы поэтому немецкую историю, если бы сама не была изобретением немецкой истории. Настоящий Шейлок, но Шейлок-лакей, она при каждом фунте мяса, вырезаемом из сердца народа, клянется своим векселем, своим историческим векселем, своим христианско-германским векселем»¹⁰¹.

Подробный разбор и критику построений этой школы дал Маркс в специальной статье «Философский манифест исторической школы права»¹⁰², а также в работе «К критике гегелевской философии»¹⁰³.

Основателем исторической школы права считается Г. Гуго. Однако широкое распространение эта школа получает после опубликования в 1814 г. брошюры Ф. К. Савиньи «О призвании нашего времени к законодательству и правоведению», в которой он подчеркивает социальный характер права и связывает его возникновение с развитием сознания народа. «Положительное право, — писал Савиньи, — живет в общем сознании народа, и потому мы можем также назвать его народным правом... Но этого ни в коем случае не надо также понимать в том смысле, что право создано отдельными членами народа по их произволу... Положительное право создается духом народа, живущим и действующим в его отдельных членах, и потому положительное право не случайно, а по необходимости является одним и тем же правом в сознании отдельных лиц»¹⁰⁴. Савиньи объясняет происхождение права «высшею необходимостью, действием внутренней пластической силы». Право возникает таким же «невидимым образом», как и язык, и живет в народном созна-

¹⁰¹ Там же. Т. 1. С. 416.

¹⁰² См.: Там же. С. 85–92.

¹⁰³ См.: Там же. С. 221–368.

¹⁰⁴ Плеханов Г. В. Соч. Т. 7. С. 174–175.

нии не в виде отвлеченных правил, а в виде живого представления правовых институтов.

Савиньи выступает против распространенного в XVIII в. мнения, будто право создается волей отдельных лиц (законодателя). Его рассуждения о природе и происхождении права — это попытка найти научное объяснение истории права, понять ее закономерный процесс. Но при этом, подчеркивал Плеханов, он исходит из идеалистической посылки, полагая, будто «народный дух», «народное сознание» и есть последняя инстанция, которая порождает правовые отношения в обществе.

Представители исторической школы права, отмечал Плеханов, считали, что право в своем развитии проходит три стадии: стадию спонтанного, неосознанного возникновения норм обычного права в недрах народа через развитие «национального духа»; стадию права, излагаемого учеными юристами, совершенствующими позитивное право применительно к усложнившимся общественным отношениям; стадию кодифицированного права, представляющего объединение обычного права и права юристов. Законодательство могло лишь дополнить, но не изменить действующее право.

Г. В. Плеханов критикует это положение и показывает, что идеалистические понятия «убеждения народа», «дух народа» в действительности лишь затрудняют решение вопроса, чем помогают ему. «Право, — писал он, — возникает невидимым путем. Кто мог бы взять на себя проследить те пути, которые ведут к возникновению данного убеждения, к его зачатию, к его росту, к его расцвету, к его проявлению? Те, которые брались за это, исходили по большей части из неточных представлений»¹⁰⁵. Если предположить, рассуждает Плеханов, что право существует в сознании народа «в виде отвлеченных правил», то этим самым, во-первых, мы столкнулись бы с «общим сознанием» юристов, которые отлично знают, как туго схватывает народ эти отвлеченные правила, а, во-вторых, наша теория происхождения права приняла бы слишком уж невероятный облик. Выходило бы, что, прежде чем вступить в какие бы то ни было практические отношения друг с другом, прежде чем приобрести какой бы то ни было житейский опыт, люди,

составляющие данный народ, вырабатывают определенные понятия, запасшись которыми, как странник сухарями, они и пускаются в область житейской практики, выступают на исторический путь. Этому никто не поверит, и вот Савиньи устраняет «отвлеченные правила»: «право существует в народном сознании не в виде определенных понятий, оно представляет собой не коллекцию уже готовых кристаллов, а более или менее насыщенный раствор, из которого, когда надо, т. е. при столкновении с житейской практикой, осаждаются потребные юридические кристаллы»¹⁰⁶.

Такой прием, по словам Плеханова, не лишен своей доли остроумия, но не приближает к научному пониманию существа правовых явлений.

Г. В. Плеханов дает меткую характеристику основным положениям этой школы: «Та разновидность идеализма, — писал он, — которой придерживались сторонники исторической школы права, оказалась в деле объяснения общественных явлений еще менее состоятельной, чем гораздо более глубокий идеализм Шеллинга и Гегеля»¹⁰⁷. Плеханов также отмечал и положительные моменты этой доктрины, заключающиеся в том, что право трактуется представителями исторической школы права не как неподвижная система юридических норм, какую она представлялась раньше, а как нечто движущееся, развивающееся.

Если «историческая школа права» учила, что право развивается мирно и безболезненно из «народного духа», то сторонники «реалистической школы» права считали, что право есть результат борьбы человеческих интересов, которое возникает и развивается в борьбе общественных сил. Основателем этого направления был Рудольф Иеринг. Он учил, что основу права составляют те интересы, которые защищает государство. Поэтому Иеринг определял право как защищенный государством интерес. Право создается силой, его осуществление достигается в борьбе человеческих страстей и интересов. Следовательно, право неотделимо от силы. Оно создается силой государства, охраняющей различные общественные интересы. Личные интересы подчиняются «общественным интересам», поглощаются последними. Но Иеринг был чужд пониманию общест-

¹⁰⁵ Там же. С. 176.

¹⁰⁶ Там же. С. 177.

¹⁰⁷ Там же. С. 177.

венного интереса как интереса классового. Заслуга Иеринга состоит лишь в том, что он приблизил науку права к изучению общественных отношений, лежащих в основе права. Догматическая юриспруденция, господствовавшая в буржуазной науке права и презрительно названная Иерингом «юриспруденцией понятий», оперировала отвлеченными юридическими понятиями. Она рассматривала право как замкнутую и самодовлеющую во всех своих частях согласованную систему юридических норм и понятий. Догматики все изучение права сводили к формально-логическим операциям с юридическими понятиями, оторванными от жизни. А Иеринг призывал спуститься с «неба понятий» на землю и изучать реальные жизненные явления, лежащие в основе юридических понятий. Приводя цитату из Иеринга, Г. В. Плеханов тем самым подчеркнул как раз ту сторону в построениях «реалистической школы» права, которая представляет наибольший интерес и с полным основанием может быть использована при создании материалистической концепции происхождения и сущности права эксплуататорских обществ. Г. В. Плеханов не случайно цитировал также русского юриста Коркунова, бывшего одним из последователей Иеринга и внесшего в формулу последнего поправку. Коркунов трактовал право не как «защищенный интерес», а как «разграничение интересов».

Плеханов сочувственно цитирует Иеринга:

«Всякое право приобретено путем борьбы; каждое важное правовое положение должно быть вырвано у тех, которые ему противились...» «С существующим правом срастаются мало-помалу интересы тысяч людей и целых сословий, так что его нельзя устранить, не нанеся им чувствительного ущерба. Поднять вопрос об устранении данного узаконения или данного учреждения — значит объявить войну всем этим интересам. Каждая подобная попытка, естественно, вызывает поэтому действием инстинкта самосохранения сильное сопротивление со стороны затронутых интересов, а тем самым и борьбу... Высочайшей степени интенсивности достигает эта борьба тогда, когда интересы складываются в виде приобретенных прав... Все великие завоевания, на какие только может указать история права: уничтожение рабства, крепостничества, свобода поземельной собственности, свобода ремесла,

свобода совести и т. д., все они сделаны были посредством жесточайшей борьбы, длившейся часто целые столетия, и путь, которым шло право в своем развитии, нередко обозначается потоками крови и везде усеян обломками разбитых правовых учреждений»¹⁰⁸.

Несомненный интерес для современной правовой науки представляют разработки Плеханова, касающиеся отдельных отраслей права и соответствующих отраслей юридической науки. Так, в работе «Материалистическое понимание истории», имевшей большое значение для развития коренных проблем исторического материализма, Плеханов рассматривает гражданское и уголовное право. В своем анализе гражданского права он показывает, что регулирование материальных интересов и забота об охране этих интересов составляют прочную основу всех законодательных кодексов. Гражданское право, по определению Плеханова, это «совокупность юридических институтов, имеющих целью регулировать правовые отношения, возникающие между людьми в области их частных интересов, т. е. поскольку они рассматриваются как частные лица»¹⁰⁹.

Правовые отношения, возникающие между людьми в области их частных интересов, вытекают, по мнению Плеханова, из двух различных источников: «из общности крови, объединяющей известных индивидуумов в группу, называемую семьей, или вытекают из власти, которую человек может пользоваться над вещами внешнего мира, над материей, над которой он господствует и которую подчиняет своей воле»¹¹⁰.

В первом случае правовые отношения образуют семейное право, во втором — «вещное» и обязательственное право или, другими словами, частное право. Плеханов далее подробно анализирует частное право и его связи с экономическими и производственными отношениями. В буржуазном обществе гражданское право сводится «к законодательному освящению существующих при данных обстоятельствах нормальных экономических отношений между отдельными лицами. Но форма, в которой происходит это освящение, может быть очень различна»¹¹¹. Буржуазное содержание, по мнению Плеханова, можно вместить в форму старого

¹⁰⁸ Плеханов Г. В. Избранные филос. произв. Т. 2. С. 527—528.

¹⁰⁹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 24. С. 373.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же. Т. 8. С. 350.

феодалного права, или, что более точно, в форму римского права с его тончайшей разработкой отношений товаровладельцев: купли и продажи, суммы долга, договора и пр.

Благодаря соответствующей юридической практике можно принизить или исказить право, переработав его в особый свод законов, приспособленный к данному общественному состоянию, как это было с прусским земским правом. Можно, наконец, на основе того же римского права создать такой образцовый Свод законов буржуазного общества, как французский.

Гражданские правоопределения, таким образом, представляют собою лишь юридическое выражение, не всегда адекватное экономическим условиям общественной жизни¹¹².

Основу уголовного права Плеханов видит в нарушении одним лицом права другого лица, за что следует установленное наказание. Проблемы уголовного права Плеханов рассматривает в связи с разоблачением царского «правосудия».

Русское государство во главе с царем Плеханов характеризовал как «полицейское государство, со свойственным ему циническим попираем элементарнейших прав человеческой личности»¹¹³. Он писал, что нашему полицейскому государству искренно сочувствуют теперь разве только в полицейских участках: все живое, все независимое относится к нему с почти нескрываемым презрением и с почти непреодолимым отращением¹¹⁴.

Г. В. Плеханов во многих своих работах дает характеристику политики Николая II как реакционной. В статье «Что же дальше?» (декабрь 1901 г.), написанной в связи со студенческими «беспорядками», Плеханов писал: «Но допустим на минуту, что политика, продиктовавшая устав 1863 года, была очень либеральна. Спрашивается, как относится к ней император Николай II? Всякий знает, что относится к ней совершенно так же, как относился император Александр III, которому политика его отца представлялась чуть ли не революционной политикой, достойной если не якобинца, то по меньшей мере жирондиста. Нико-

лай II оставался верным орудием реакции с самого начала своего царствования, с того самого момента, когда, вступив на „прародительский престол“, он в своей знаменитой речи назвал „бесмысленным мечтанием“ всякую надежду на добровольные уступки со стороны самодержавной власти. И все действия его правительства не только не заключают в себе ни малейшего намека на перемену его образа мыслей, но, напротив, ежедневно и, можно сказать, ежечасно приносят нам все новые и новые доказательства того, что он твердо решил остаться на пути, указанном ему Александром III. Его „благожелательная заботливость“ не дала и не дает нам ничего, кроме ряда самых реакционных мероприятий»¹¹⁵. Так, по поводу изданных в 1899 г. «Временных правил», разрешивших сдавать в солдаты студентов, Г. В. Плеханов замечал: «Правительство Николая II выполняло то, перед чем остановилось даже правительство Александра III»¹¹⁶.

В статье «Что же дальше?» (декабрь 1901 г.) Плеханов излагает позицию «С.-Петербургских ведомостей», категорически объявивших, что «невозможно придумать такой университетский устав, который гарантировал бы против возможности нарушения спокойного течения академической жизни». Так как основная причина аномалий «имеет общий характер», то лечить их возможно только посредством законодательных мер общего характера. Газета выдвинула и программу таких мер: «Предоставление большого простора общественным инстинктам и общественной самодеятельности, главным образом, путем правильной организации местного самоуправления, усиления начала законности, в частности обеспечения прав личности путем замены начала личного усмотрения, где оно по существу дела не является необходимым, точным обеспечением прав и обязанностей с надлежащей санкцией и контролем их осуществления; постановка печати на почву определенной законной нормировки с уголовно-судебной, хотя бы и очень строгой, ответственностью на случай нарушений». Г. В. Плеханов так оценил эту программу: «Газета наивно думает, что законность и общественная самодеятельность могут процвести у нас даже при абсолютизме, который сковывает Россию по

¹¹² См.: Там же. С. 351.

¹¹³ Там же. Т. 12. С. 142.

¹¹⁴ См.: Там же. С. 141–142.

¹¹⁵ Там же. С. 145–146.

¹¹⁶ Там же. С. 146.

рукам и по ногам и который *беззаконен по своему существу*»¹¹⁷.

Русские либералы, говорит Г. В. Плеханов, вздыхали об «увенчании здания», т. е. они стремились к политической свободе. Но это стремление лишь отчасти сближало их с западноевропейскими либералами. Последние требования политической свободы тесно связывали с требованиями так называемой экономической свободы: свободы передвижения, «свободы труда», свободы конкуренции и т. д. Что же касается русского либерала, то он «ни в грош не ставил эту экономическую свободу. Он не прочь был поворчать насчет неудобств нашей паспортной системы, но в то же самое время и тот же либерал стоял за прикрепление крестьян к земле и за все связанные с ним ограничения экономической свободы. Иногда он даже прямо нападал на эту свободу, обзывая ее буржуазной выдумкой»¹¹⁸.

Революционеры не должны забывать, говорит Плеханов, что русские либералы вряд ли отличаются демократическим образом мыслей.

Своеобразное объяснение росту преступности в России находим в другой работе Плеханова, в которой говорится: «Чем больше бедных, тем больше происходит краж, грабежей и преступлений. Человек, не имеющий собственности, легко меняет свое местопребывание. Поэтому виновный легко может ускользнуть от наказания. Стало необходимо поэтому арестовывать граждан с соблюдением лишь немногих формальностей, часто по первому подозрению»¹¹⁹.

В работе «Н. Г. Чернышевский» Плеханов анализирует следующий факт. 7 июля 1862 г. Чернышевского арестовали. III отделение поспешило состряпать фальшивые улики. Как велось дело Чернышевского, видно из того, что прокурор не постыдился цитировать письмо безымянного доносчика даже в обвинительном акте, между тем как русский закон предписывает «по доносам в безымянных пасквилях и подметных письмах не производить следствия» (ст. 52 кн. II. Зак. Уг., т. XV, Св. зак. изд. 1857). «Ничего невероятного нет в том предположении, что Чернышевский принадлежал к какому-нибудь революционному обществу. Напротив,

¹¹⁷ Там же. С. 142–143.

¹¹⁸ Там же. Т. 3. С. 248–249.

¹¹⁹ Там же. Т. 8. С. 104.

такое предположение даже вполне вероятно. Но где же в цивилизованном мире вероятность считается юридической уликой? Нигде, кроме России, да и в России только в политических процессах»¹²⁰.

Конец 70-х и начало 80-х годов XIX в. в России стали периодом реакции самодержавия, охватившей все стороны общественной жизни. Все реакционные силы ополчились против буржуазно-демократических принципов судебной реформы 1864 г., особенно против суда присяжных. С 1872 г. дела о наиболее опасных политических преступлениях стали рассматриваться в особом присутствии Сената.

Плеханов разоблачает царское беззаконие, «когда низводятся до нуля даже такие реформы, как институт присяжных»¹²¹.

В «Послесловии к обвинительному акту по делу Софьи Гинсбург» Плеханов писал: «Появление в печати обвинительного акта по ее делу теперь, когда трагедия ее благородной жизни уже окончена, может послужить лишь новым упреком той шайке, которая, к стыду всей Европы конца XIX столетия, держит в своих руках судьбу России»¹²². С. Гинсбург была осуждена без достаточных юридических оснований. Она ненавидела царизм и готова была ценой собственной жизни содействовать его уничтожению.

«Юридические же доказательства ее виновности, — отмечал Плеханов, — остаются в высшей степени сомнительными, несмотря на все старания прокурора»¹²³. Из его обвинения явствует лишь, что С. Гинсбург, возможно, замышляла цареубийство. Но возможность еще не является доказательством виновности. Юридические приговоры должны основываться на неоспоримых доказательствах. Однако русское правительство, преследуя свои политические цели, держится того правила, что лучше осудить девять невинных, чем оправдать одного виновного.

И следующий пример — суд над соратницей Г. В. Плеханова по революционной борьбе В. И. Засулич, состоявшийся 31 марта 1878 г. Суд присяжных оправдал В. Засулич, признав, как писал Плеханов

¹²⁰ Там же. Т. 5. С. 112–113.

¹²¹ Там же. Т. 24. С. 322.

¹²² Там же. С. 314.

¹²³ Там же.

«невиновность противников существующего строя». Но жандармы решили расправиться с ней в административном порядке. В довершение всего III отделением был отдан приказ участковым приставам разыскать и арестовать оправданную судом присяжных В. Засулич. В 1878 г. после оправдания судом присяжных Веры Засулич ряд составов преступлений против порядка управления был передан из подсудности окружных судов в подсудность судебных палат. Посягательства на должностных лиц стали рассматриваться как «явное восстание против властей».

Плеханов подробно показал судебный процесс, организованный царским правительством над 50 лицами, обвиняемыми в распространении среди рабочих различных фабрик социалистических и революционных учений.

Суд происходил в 1877 г., в течение 22 дней, с 21 февраля по 14 марта, в Петербурге, в особом присутствии правительствующего Сената. Г. В. Плеханов рассказывает о мужественном поведении на суде обвиняемого крестьянина Петра Алексеевича Алексева: «Когда судьи предложили ему выбрать себе защитника (адвоката), он ответил: „Что мне защитник. Какой смысл имеет защита, когда всякому известно, что в подобных процессах приговор суда бывает составлен заранее, так что весь этот суд есть не более как комедия: защищайся, не защищайся, все равно. Я отказываюсь от защиты“. 10 марта он произнес речь, в которой не защищался и не оправдывался, а напротив, обвинял правительство и капиталистов»¹²⁴.

Как на характерную особенность процесса Г. В. Плеханов указывает на то, что среди подсудимых было несколько человек рабочих.

Хотя Г. В. Плеханов и не рассматривает в теоретическом плане проблему, так волновавшую буржуазных юристов всех стран, а именно «разделение властей», но его анализ хода и исхода судебных политических процессов не оставляет никакого сомнения в том, что в России никакого «разделения властей» не существовало даже в теории. Ведь судебная реформа потому оказалась недоведенной последовательно до конца, что полицейская и вообще административная власть (на юридическом языке — исполнительная власть) так и

не была ограничена. Эта власть и позволяла себе исправлять на свой лад судебные решения.

Интересным для юристов является анализ преступности в капиталистических странах, сделанный Г. В. Плехановым на основе изучения ряда источников. Эти источники позволили Г. В. Плеханову прийти к выводу, что преступность растет не только во Франции, но и во всех капиталистических странах, изученных в этом отношении. Так, в одном источнике показан рост преступности во Франции за 50-летие, т. е. с 1838 до 1888 г. Число осужденных (за 50 лет) увеличилось: за насилия — на 51%; за преступления против собственности — на 69; за преступления против нравственности — на 240; за бродяжничество и нищенство — на 430%¹²⁵.

Г. В. Плеханов замечает, что рост числа лиц, осужденных за нищенство и бродяжничество, подтверждает оставшееся ранее сомнительным свидетельство официальной статистики французского пауперизма. Приходится признать, что статистика эта говорит правду. Далее, Г. В. Плеханов ссылается еще на один источник — доклад Кавальери¹²⁶, представленный на Женевский конгресс криминалистов, из которого явствует, что в 1838 г. во Франции на 100 тыс. жителей приходилось 16 человек, осужденных за бродяжничество и нищенство, а в 1887 г. их было уже 85. В Германии в 1882 г. на 100 тыс. человек, старше 12 лет и не служащих на военной службе, приходилось 1043 осужденных, а в 1895 г. — уже 1251. Г. В. Плеханов обращает внимание читателя на то обстоятельство, что преступность детей растет гораздо быстрее преступности взрослых.

Чем же обуславливается рост преступности? Г. В. Плеханов указывает, что французские социалисты давно уже объясняли ее обеднением рабочего класса, возрастающей трудностью борьбы за существование. Опыт вполне подтвердил это указание. Г. В. Плеханов сочувственно цитирует известного криминалиста Листа, который говорит, что зависимость преступности от экономического положения всем известна и никем уже не оспаривается. Поэтому вывод

¹²⁵ См.: Там же. Т. 11. С. 232—233.

¹²⁶ См.: Там же. С. 233.

¹²⁴ Там же. Т. 3. С. 112.

Г. В. Плеханова таков: «Увеличение преступности вообще, а особенно детской преступности, неотразимо свидетельствует об ухудшении общественного положения пролетария»¹²⁷.

4. ОЦЕНКА ФАБРИЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Г. В. Плеханов в своих работах «Русский рабочий в революционном движении», «Волнения в среде фабричного населения», «Корреспонденция с бумагопрядильной фабрики Кенига», «Предисловие к русскому изданию „Манифеста Коммунистической партии“» и др. много внимания уделял вопросам фабричного законодательства, возникновение которого ставил в прямую зависимость от развития капиталистической промышленности. Плеханов отмечает, что фабричное законодательство — это результат борьбы рабочего класса за свои экономические права.

Интересен исторический анализ Плеханова вопроса о фабричном законодательстве. Он отмечает, что этот вопрос приобрел большое практическое значение в Англии уже с начала XIX в. «Оуэн по всей справедливости может быть назван инициатором фабричного законодательства в Англии»¹²⁸. Между тем с метафизической точки зрения, унаследованной еще от времен французской философии XVIII в., причина появления рабочего законодательства состояла в другом.

«В начале 1890 г., — пишет Г. В. Плеханов, — немецкий император опубликовал свои указы по рабочему вопросу. Либеральная и „радикальная“ русская пресса была убеждена, что Германия управляется „мудрецом на троне“»¹²⁹.

Здесь он имеет в виду указы императора от 4 февраля 1890 г. о созыве международной конференции по рабочему законодательству, а также о продолжительности рабочего дня.

Если западноевропейские правительства, а затем и русское правительство стали издавать фабричные законы, то они оказались вынужденными к этому самими обстоятельствами. Лишь до поры до времени им удавалось соблюдать «нейтралитет» в отношениях

между капиталистами и рабочими. «...Сами события заставили западноевропейские правительства выйти из нейтрального положения по вопросу об отношениях работодателей к рабочим. Пришлось ввести законы, регулирующие эти отношения, ограничить женский и детский труд и даже продолжительность рабочего дня взрослых работников»¹³⁰.

В данном случае Г. В. Плеханова можно было бы, пожалуй, упрекнуть в некоторой неточности. Его тезис о «нейтральном положении» западноевропейских правительств по вопросу об отношениях между трудом и капиталом не следует понимать в буквальном смысле. Буржуазное государство с самого начала своего существования стояло на страже интересов капиталистов. Достаточно вспомнить пресловутый закон Ле Шапелье, принятый 14 июня 1791 г. французским Учредительным собранием. Этот закон, запрещавший рабочие собрания, профсоюзы и стачки, был отменен только в 1864 г. Рабочим запрещалось представлять коллективные петиции муниципальным и административным органам с изложением своих требований. Принятие декрета Ле Шапелье мотивировалось лицемерной ссылкой на необходимость защиты свободы труда и промыслов, на опасность возрождения цехового строя. К. Маркс называл закон Ле Шапелье «буржуазным государственным переворотом», благодаря которому буржуазия отняла у рабочих «только что завоеванное право ассоциаций»¹³¹.

«Декретом от 14 июня 1791 г., — писал Маркс, — она объявила все рабочие коалиции «преступлением против свободы и Декларации прав человека», караемым штрафом в 500 ливров и лишением прав активного гражданина на один год»¹³². К. Маркс отмечал, что даже якобинцы оставили неприкосновенным как закон Ле Шапелье, так и другие антирабочие законы¹³³.

Вспомним, что еще в 1790 г. французские рабочие стремились сократить продолжительность рабочего дня с 13—14 часов до 10—12. Во Франции впервые рабочий день в промышленности был ограничен до 12 часов лишь после Февральской революции 1848 г. законом от 2 марта 1848 г. Нелишне в связи с этим про-

¹²⁷ Там же. С. 235.

¹²⁸ Плеханов Г. В. Избранные филос. произв. Т. 3. С. 575.

¹²⁹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 8. С. 63.

¹³⁰ Там же. Пг., 1920. Т. 1. С. 190.

¹³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 752.

¹³² Там же.

¹³³ См.: Там же.

цитировать и ст. 1787 Кодекса Наполеона 1804 г.: «Хозяину верят в отношении его утверждений: о размере жалованья, об оплате вознаграждения за истекший год и о платежах, произведенных в счет вознаграждения за текущий год»¹³⁴. Последняя статья была отменена лишь 2 августа 1868 г.¹³⁵

По Шульце-Геверницу, старая английская экономия относилась враждебно к рабочему законодательству и должна была к нему враждебно относиться, поскольку оно вело к ограничению индивидуальной свободы взрослых людей. Между тем такого рода ограничения индивидуальной свободы были неизбежным результатом фабричного законодательства, которое, с своей стороны, должно было прогрессировать с ростом политического влияния рабочего класса.

Как же обстоит дело с русским рабочим законодательством? Г. В. Плеханов пишет, что это законодательство, «заботливо охраняя интересы нанимателей, самым беззастенчивым образом пренебрегает интересами нанимаемых»¹³⁶, что оно, «вообще говоря, ставит рабочего в прямую зависимость от хозяина»¹³⁷. Состояние охраны труда на русских заводах и фабриках, а также характер фабричного законодательства Г. В. Плеханов иллюстрирует очень интересным примером. Он рассказывает, что на Василеостровском патронном заводе рабочие вели рукописный журнал — род резкой сатирической летописи заводской жизни. Эта рабочая сатира бичевала не только заводское начальство, но хватала и выше. «Так, например, помню, журнал доводил до сведения своих читателей, что в правительственных сферах обсуждается проект закона, в силу которого будут получать особые награды предприниматели, в течение года изувечившие на своих фабриках и заводах наибольшее число рабочих („награды будут соразмерны количеству оторванных пальцев, рук и носов“, говорилось в этом сообщении)»¹³⁸.

Благодаря Г. В. Плеханову мы узнаем о положении рабочих на фабрике Кенига и на других фабриках.

¹³⁴ Французский гражданский кодекс 1804 года/Пер. И. С. Петерского. М.: Юриздат, 1941. С. 376.

¹³⁵ О рабочем вопросе во Франции см.: *Тарле Е. В.* Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1909. Ч. 1, 2.

¹³⁶ *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 3. С. 139.

¹³⁷ Там же. Т. 11. С. 356.

¹³⁸ Там же. Т. 3. С. 139.

«Рабочий день здесь не бывает короче 14 час.: в 5 час. утра рабочий становится на работу, домой возвращается в 8 час. вечера. Во все это время ему дается только один час (от 12 до 1 часа) на обед и отдых. На некоторых фабриках продолжительность рабочего дня еще более. Его заработок редко доходит до 25 рублей в месяц, чаще же всего он колеблется между 17—20 руб. Из этой ничтожной суммы он должен найти средства для прокормления своей семьи, для уплаты податей и, наконец, для покрытия многочисленных и разнообразных штрафов»¹³⁹.

В 90-х годах XIX столетия в России ширится стачечное движение. В стачках принимают участие рабочие различных отраслей производства и по различным поводам. Какие же требования выставлялись стачечниками? Г. В. Плеханов отмечает две общие, типичные черты в этих требованиях: а) протест против прямых нарушений фабричного законодательства со стороны заводской администрации; требование точного исполнения тех или других статей этого законодательства; б) стремление сохранить существующий размер заработной платы, удержать за собой прежний ее уровень или вернуть недавно бывший размер зарплаты, противодействовать понижательному движению в ценах на рабочие руки¹⁴⁰. Эти требования, подчеркивает Г. В. Плеханов, были крайне умеренными.

В русской либеральной литературе немало писалось о фабричных инспекторах, якобы стоящих на страже интересов рабочих. Но само царское правительство в лице министра финансов Витте рассеяло эти иллюзии. Витте издал секретный циркуляр, ставший затем достоянием гласности, т. е. опубликованный сначала в немецких, а затем и в русских газетах. Г. В. Плеханов пишет, что царский министр призывает фабричных инспекторов блюсти сохранение патриархального строя отношений, якобы существующего на русских фабриках, предостерегает самих рабочих от козней подстрекателей — этих, по словам циркуляра, злейших врагов рабочего класса.

Опубликованный циркуляр, распространенный «Союзом» в рабочей среде, уничтожил последние следы и без того слабого престижа русского фабричного ин-

¹³⁹ Там же. Т. 1. С. 37.

¹⁴⁰ См.: Там же. М., 1923. Т. 9. С. 356.

спектора, он раскрыл его двусмысленную роль будто бы защитника интересов рабочего, разоблачил его сущность «безгласного слуги абсолютизма, заигрывающего с буржуазией»¹⁴¹.

Фабричное законодательство, в частности законодательное ограничение продолжительности рабочего дня, есть результат практической, повседневно ведущейся борьбы труда с капиталом, со всеми ее перипетиями. Фабричное законодательство и есть одно из законных средств борьбы рабочих против своих эксплуататоров. Г. В. Плеханов говорит: «Положить пределы капиталистической эксплуатации при помощи фабричного законодательства, дать восторжествовать в этих пределах политической экономии наемного труда над политической экономией капитала — это значит изменить в духе революции экономические отношения страны. Всякая деятельность, преследующая эту цель, есть революционная деятельность независимо от того, какие формы она примет: будет ли она добиваться этой цели насильственными средствами или же мирной агитацией»¹⁴².

¹⁴¹ Там же. С. 359.

¹⁴² Там же. Т. 4. С. 253—254.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование ставило своей целью дать оценку социально-политических взглядов Г. В. Плеханова по вопросам государства и права, проследить их формирование, провести систематический анализ высказываний Плеханова о государстве и праве.

Развивая важнейшие положения марксистского учения об общественно-историческом развитии, Плеханов внес значительный вклад в разработку методологии общественных наук, что позволило ему дать научное освещение многих проблем истории и теории государства и права и самой юридической науки.

В своих работах 1883—1903 гг. он осуществил в основном марксистский анализ исторического общественно-политического и идейного развития России. В них он показал неизбежность ее капиталистического пути развития, объективные предпосылки возникновения в России буржуазно-демократической революции, а затем и ее перерастания в социалистическую революцию.

Развивая научную теорию общественного развития, Г. В. Плеханов продолжил революционные традиции русской общественной мысли, начиная с Радищева и декабристов и кончая революционными демократами и революционными народниками.

В своем идейном росте он преодолел утопизм народничества и влияние анархистских идей Бакунина.

Исторической заслугой Плеханова явилась его критика различных форм субъективного понимания политической борьбы и государства Бакуниным, Лавровым, Ткачевым. В своих трудах Плеханов показал их духовную связь с идеологами анархизма Штирнером, Прудоном.

Важнейшее значение для развития философии марксизма имели такие работы Плеханова, как «Очерки по истории материализма», «О материалистическом понимании истории», «К вопросу о роли личности в истории», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

К числу важнейших проблем исторического мате-

риализма, разработанных Плехановым, принадлежит вопрос о соотношении базиса и политической надстройки. Творчески применяя диалектический метод к анализу процесса взаимодействия базиса и надстройки, Плеханов показал монизм исторического процесса. Он конкретизировал положения Маркса и Энгельса об активной роли политической и идеологической надстройки и обратном их влиянии на базис.

В основу развиваемых Плехановым взглядов на происхождение государства положена выдвинутая им теоретическая схема общественно-исторического развития. Его представления о возникновении государств в древневосточных и античных обществах, на наш взгляд, в целом лежат в русле марксистского учения.

Плеханов выстраивает собственную концепцию исторического развития государства в России. В своем развитии эта концепция проходит два периода: до 1903 г. — в работах «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «О материалистическом понимании истории», где он в основном опирался на марксистскую трактовку этого вопроса, и после 1903 г. — в работах меньшевистского периода, главным образом в «Истории русской общественной мысли» (1912).

В рассмотрении вопросов, связанных с образованием Древнерусского государства, основных факторов, влияющих на социально-экономическое развитие, Плеханов находится под определенным влиянием представителей буржуазной исторической науки С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. П. Павлова-Сильванского. Это нашло отражение в преувеличенном суждении о роли географической среды, в восприятии им теории «государственных начал».

Важнейшей идейно-теоретической заслугой Плеханова явилось отстаивание им и обоснование на конкретном материале российской действительности марксистского учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата.

Правовые взгляды Плеханова охватывают совокупность вопросов, связанных с происхождением права, рассмотрением его социально-классовой сущности, анализом содержания и форм, трактовкой таких правовых понятий, как законодательство и конституция, изучением отдельных отраслей юридической науки и критикой буржуазных правовых теорий.

Исходным пунктом изучения вопроса о происхождении права выступает марксистское учение о взаимодействии базиса и надстройки. Право Плеханов рассматривает как самостоятельную форму общественного сознания, наряду с философией, религией, моралью, обладающую относительной самостоятельностью и преобладанием в своем развитии. Эта форма общественного сознания вырабатывает понятия, идеи и представления, обладающие правовым содержанием и формой.

Плеханов правильно указывает на то, что по своему содержанию право отражает классовые интересы, в основе которых лежат определенные экономические отношения. Этим определяется содержание права. Форма правовых явлений определяется структурой общественного сознания в данную историческую эпоху и зависит от того, какая идеология является господствующей в данный период. Он дает характеристику права как норм, обеспеченных государственным принуждением и носящих классовый характер, опровергает идеалистические взгляды на сущность права.

Весь смысл рассуждений Плеханова о праве, его сущности, материальной обусловленности позволяет сделать вывод, что его учение о праве в целом стоит на марксистских позициях. Плеханов не только не отрицал нормативный характер права как особой регуляции в классовом обществе, но и специально подчеркивал это существенное свойство права как регулятора общественных отношений. Различие обнаруживается в том, что Плеханов трактует право в основном лишь в плоскости формы общественного сознания. В то время как Маркс прежде всего связывает право с содержанием материальных общественных отношений, по отношению к которым общественное сознание выступает как их сложное и неавтоматическое отражение, подчеркивает в праве его качество формы реальных общественных отношений в классовом обществе.

Таким образом, изучение государственно-правовых взглядов Г. В. Плеханова позволяет углубить решение важнейших проблем методологии юридической науки. Диалектический метод, впервые в России использованный Плехановым для решения проблем государства и права, и сегодня составляет основу революционного развития марксистско-ленинской науки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I РУССКАЯ ПРОГРЕССИВНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И СТАНОВЛЕНИЕ МАРКСИСТСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА	40
1. Особенности социально-исторического развития России и начало политической и научной деятельности Г. В. Плеханова	40
2. Идеиные предпосылки формирования революционных взглядов Г. В. Плеханова	47
Глава II АНАЛИЗ Г. В. ПЛЕХАНОВЫМ ПРОБЛЕМ ГОСУДАРСТВА	25
1. Исследование взаимодействия экономического базиса и политической надстройки	25
2. Плеханов о генезисе государственности и особенностях развития государства в России	35
3. Критика анархистских и народнических взглядов на политическую борьбу и государство	58
4. Концепция социалистической революции и диктатуры пролетариата	63
Глава III ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА	78
1. Вопросы происхождения и социально-классовой обу- словленности права	78
2. Анализ понятий права, конституции и законодательства	86
3. Изучение истории права и характеристика отдельных школ юридической науки и отраслей права	100
4. Оценка фабричного законодательства	118
Заключение	123

НИНА БОРИСОВНА ПАХОЛЕНКО
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ
Г. В. ПЛЕХАНОВА
(1883—1903 гг.)

Утверждено к печати
Ученым советом
Института государства и права
АН СССР

Редактор А. Г. Шахова
Редактор издательства Б. М. Чубайс
Художник А. А. Смирнов
Художественный редактор М. Л. Храмцов
Технический редактор Н. Н. Плохова
Корректоры Р. С. Алимова, М. Ф. Сафонова

ИБ № 29660

Сдано в набор 11.02.87. Подписано к печати 26.03.87
А-04685. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журнальная
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр. отт. 6,9. Уч.-изд. л.7,1.
Тираж 2500 экз. Тип. зак. 128. Цена 95 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В издательстве
«НАУКА»
ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Н. В. Черкасова

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ АДВОКАТУРЫ
В РОССИИ

(60-е — 80-е годы XIX в.)

1987, 8 л., 90 к.

Монография посвящена вопросам становления и развития адвокатуры в России и основным формам ее деятельности в связи с Судебной реформой 1864 г. Рассматривается история правосудия в России до учреждения института присяжных поверенных. Раскрыта сущность адвокатуры как буржуазно-либерального института, показаны место и роль этого института в политико-правовой системе самодержавия, в социально-политической жизни дореволюционной России.

Для юристов, историков, широкого круга читателей.

3479

Книги можно предварительно заказать в магазинах «Академкнига». Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов:

- 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
- 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4, магазин «Книга — почтой» Украинской конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

95 коп.

П-217

Пахоленко
Гос.-правовые е.

3479